

Дорога за горизонт

Автор:

Борис Батыршин

Дорога за горизонт

Борис Борисович Батыршин

Коптский крест #4

Компания наших современников осваивается в Российской Империи конца 19-го века. Предотвратив покушение на Императора Александра 3-го, они создают Департамент Особых Проектов – засекреченную могущественную организацию, призванную внедрять в жизнь научно-технические достижения последующих ста лет. Бывший журналист и историк Олег Иванович Семёнов отправляется в Чёрную Африку за разгадкой тайны меж-временного портала; его сын Иван, вместе со своим ровесником, московским гимназистом Николкой учатся в Морском Императорском Училище, попутно помогая офицерам русского флота осваивать компьютеры и современные средства связи. Мальчишек ждут приключения – морская практика на Балтике обернётся ночной погоней и морским боем в финских шхерах; а тем временем отец Ивана вступит в схватку с бельгийским авантюристом в джунглях Конго...

Книга является продолжением трилогии «Коптский крест», вышедшей ранее в издательстве «Альфа-книга».

Борис Батыршин

Дорога за горизонт

©Борис Батыршин

Часть первая

Шаг за порог

I

В огромном камине горел огонь. Библиотека – классическая библиотека британского аристократического клуба, с резными дубовыми панелями, высоченными стеллажами, елизаветинскими доспехами и веерами шпаг и палашей на стенах, утонула в полумраке. Из общего стиля выбивались разве что эзотерические символы – масонские «глаза в треугольниках», розенкрейцерские геральдические цветы, египетские картуши, каббалистические и зодиакальные символы. Неудивительно – библиотека располагалась в штаб-квартире Лондонского «Колледжа Каббалы», и книги, заполнявшие полки, относились в основном к категории оккультных. И уж вне всяких сомнений, разговор четырёх мужчин устроившихся в креслах у камина, тоже имеет отношение к оккультизму.

– Что ж, дорогой Уильям, ваши планы, как я понимаю, осуществляются вполне успешно. Еще год, максимум, два – и можно будет объявлять о создании общества. На каком названии вы решили остановиться?

– «Золотая Заря», – негромко отозвался тот, к кому был адресован вопрос.

– «Герметическое братство Золотой Зари?» – произнёс первый. – А что, недурно...

В голосе его мелькнула тень насмешки – ровно такая, чтобы собеседник смог уловить и оценить лёгкое издевательство. Тот и уловил, поморщился, но промолчал – сегодня правила игры диктовал этот напыщенный аристократ.

– Скорее – «Орден». «Орден Золотой Зари». Мы с братьями полагаем, что это подчеркнёт так сказать, преемственность...

Двое склонили головы в знак согласия.

– Орден значит... – первый слегка улыбнулся. – Не можете простить мадам Блаватской увлечения буддизмом?

– Да, не могу! – неожиданно страстно ответил второй. Он подался вперед, и на лицо его теперь падали отсветы пламени из камина. Породистое, благородное, украшенное начинающей седесть бородкой; ценители голливудского кино сказали бы, что оно напоминает лицо Шона Коннери. Увы, оценить сходство оказалось некому – и не только в зале, но и на всех Британских островах.

– Я не могу смириться с тем, что эта безумная то ли русская, то ли американка принесла возвышенную традицию европейского герметизма в жертву индийским ребусам! Наши единомышленники, Эдвард Мейтленд и мадам Анна Кингсфорд были членами её «Теософского общества», но, когда стало ясно, что мадам Блаватская склоняется к восточной традиции, они без колебаний подали в отставку, узрев в этом предательство европейской традиции. И не только его; по сути, это означало отказ от идеалов нашей цивилизации, которой нечему учиться у темнокожих варваров, сколько бы лет не насчитывали они своим храмам и свиткам!

– Oh, East is East, and West is West, and never the twain shall meet... – задумчиво произнёс первый мужчина.

Собеседник ответил недоумённым взглядом.

– Не знал, лорд Рэндольф, что вы балуетесь стихосложением...

Тот, кого называли лордом Рэндольфом неопределённо помахал перед собой двумя пальцами.

– Ну что вы, Уильям! У отпрысков моего отца, седьмого герцога Мальборо, встречаются какие угодно таланты, кроме поэтических. Это так, случайно в голову пришло...

– А по моему, весьма образно. – подал голос один из двоих молчавших до сих пор мужчин. – «Запад есть Запад, Восток есть Восток, и им не сойтись никогда...».

Хотя – странно слышать такое от вчерашнего министра по делам Индии.

– Сделайте одолжение, мистер МакГрегор, – неожиданно резко оборвал говорившего лорд Рэндольф. – не надо обсуждать достоинства этой строки в лондонских гостиных, и уж тем более, на бдениях вашего... Ордена. А то доказывай потом, что Рэндольф Генри Спенсер Черчилль не ударился к сорока годам в виршеплётство!

– С вашего позволения, господа, оставим изящные искусства. – поморщился Уильям. – В конце концов, мы собрались здесь для того, чтобы...

– Да-да, помню, дражайший мистер Уэскотт – мягко перебил несдержанного герметиста лорд. – Чтобы поговорить о задачах вашего общества... Золотой Зари, верно?

– Ордена! И его пока еще нет, это дело ближайшего будущего, когда мы сумеем, наконец, заполучить зашифрованные манускрипты из Александрии. – поправил МакГрегор. Было видно что он оценил «оговорку» лорда Рэндольфа верно – как тонко рассчитанное оскорбление и насмешку. – А пока лучше ограничиться не столь амбициозным названием, именуясь Вторым Храмом Германубиса. Но это – лишь для посвященных, число которых...

– «Вторым»? – удивился лорд Рэндольф. – Так есть и первый?

– Первый храм – это духовный символ, который суть квинтэссенция... – пустился, было в объяснения МакГрегор, но Уэскотт бесцеремонно прервал коллегу:

– Видите ли, лорд Рэндольф, наш общий друг МакГрегор крайне пунктуален в вопросах ритуалов. Сэмюэль, я полагаю, не стоит утомлять его светлость излишними подробностями.

– Они вовсе не излишние!.. – возмутился, было, МакГрегор, но Уэскотт уже его не слушал.

– Мы собрались, чтобы обсудить тревожные сведения, полученные из России и Египта. Есть основания полагать, что древние зашифрованные письма, о которых сообщил брат ван дер Стрейкер, вызвали интерес у последователей

мадам Блаватской. И один из них, некий Вильгельм.... Евсеин, я не путаю? – в настоящий момент работает над расшифровкой манускрипта в Александрии. А помогает ему сам Бурхардт – хороший знакомый, и возможно, единомышленник Гвидо фон Листа!

Вот как? – удивился лорд Рэндольф. – значит и немцы в игре?

– Мы пока не можем утверждать это со всей определённойностью, – покачал головой четвертый мужчина. – Нам лишь известно, что в течение двух месяцев Бурхардт и фон Лист обменялись семьёю – семьёю! – письмами, тогда как за предыдущие десять лет таковых было всего три. При известном всем нам интересе герра Гвидо к германскому оккультизму, можно считать это тревожным сигналом.

– Чем так важны эти зашифрованные манускрипты, что за ними кинулись и посланники мадам Блаватской и Гуго фон Лист? – недоумённо спросил лорд. – И почему это так вас встревожило? По-моему, при всех своих разногласиях европейские оккультисты, масоны и прочие розенкрейцеры всегда умели договариваться...

Услышав это пренебрежительное «прочие» Уэскотт дёрнулся, будто его кольнули шилом – но тут же взял себя в руки; ответ прозвучал почти любезно:

– Как мы уже говорили вам, лорд Рэндольф, есть все основания полагать, что слухи о содержании манускриптов – отнюдь не пустая болтовня.

– Ключ к будущему... – задумчиво произнёс аристократ. – И вы верите, что тот несчастный итальянец, и правда, сумел совершить перемещение во времени, прежде чем его казнили в Египте?

– Скорее всего нет, – покачал головой Уэскотт. – А вот русский, который добрался до его записок, совершил его наверняка. Ван дер Стрейкер потратил на этого Евсеина три года и уйму денег – ваших, лорд Рэндольф, денег! – и сумел выяснить, что это чистая правда. Мало того, есть основания полагать, что бельгиец и сам побывал в будущем. И вернулся оттуда отнюдь не с пустыми руками!

– Вы намекаете на то, что он вдруг пустился искать в верхнем Конго золото и алмазы? – спросил лорд Рэндольф. – Что ж, убедительно; никто раньше не вёл в тех краях изысканий – и вдруг, истратить такие деньги, как будто ему точно известно, что...

– Не стоит торопиться с выводами! – опять подал голос четвёртый. – В конце концов, пока бельгийцы ничего не нашли.

– А доктор Вудман прав. – заметил лорд. – Выводы делать рано. И, должен отметить, Уильям, деньги, которые вы тратили, принадлежат не мне, а Её Величеству – и поверьте, кое-кто скоро поинтересуется, на что вы их пустили.

– Мы готовы предоставить отчёт... – вспыхнул Уэскотт, но лорд Рэндольф небрежно отмахнулся:

– И тем не менее, господа, правительство Её Величества разделяет ваше беспокойство. Сведения, полученные из России, заставили нас отнестись к данной версии со всем вниманием. Так что, вы получите средства для продолжения вашей деятельности. Взамен требуется одно: эти манускрипты, а так же вся информация по данному вопросу, которую вы сумеете собрать, должна быть известна и нам. Мы предпринимаем усилия в данном направлении, и в ближайшее время следует ждать добрых известий. В любом случае, мы не оставим герра Бурхардта и его русских друзей без внимания.

А пока, господа, поговорим о том, что недавно произошло в Петербурге. Поверьте, это напрямую касается нашего с вами предприятия. Итак, недавно русские революционеры устроили покушение на царя Александра III. Оно с треском провалилось – но некоторые его обстоятельства чрезвычайно интересны...

II

– Итак, господа, как всем вам, должно быть известно, в течение последних полутора лет – а именно, с мая прошлого, 1886-го года от Рождества Христова, – на территории Российской Империи произошли некоторые события. Их грандиозность пока что не оценена нашими европейскими коллегами, как, впрочем, и ком-либо внутри страны. И, тем не менее, важность их такова, что

даже покушение на Государя Императора, случившееся несколько месяцев назад, не более, чем эпизод, побочное следствие. И каждый из вас, разумеется, это осознаёт.

Сидящие в аудитории запереглядывались. Докладчик, статный ротмистр-кавалергард, представленный собравшимся как барон Корф, покривил душой. Все они – три дюжины офицеров армии, флота, жандармского управления, чиновники разных департаментов – узнали о предмете беседы всего несколько часов назад. И этого времени, конечно, не могло хватить для того, чтобы привыкнуть к поразительной мысли – оказывается, измышления британского литератора Герберта Уэллса это вовсе не пустая игра воображения. Из загадочного далека, отделённого от дня сегодняшнего более, чем веком, явились гости, и принесли с собой знания. Божьим соизволением – или дьявольским наущением, кто же разберёт? – приоткрылось окно в грядущее. И то, что успело проникнуть через него, пока порыв ветра судьбы не захлопнул раму, грозит теперь изменить всю жизнь обитателей Российской Империи, да и всего мира, если подумать...

– К сожалению, гости не стали вести жизнь мирных обывателей, и не ограничились чисто научным интересом, – продолжал барон. – Некоторые из них попробовали вмешаться в нашу жизнь, причём весьма радикально. К сожалению, политические бури, сотрясающие Россию не утихли и в будущем, а потому молодые люди, проникших к нам через пресловутое «окно», не нашли ничего лучшего, как предпринять попытку цареубийства.

Как мы теперь знаем, в их прошлом, в их марте 1887-го, злоумышленники из так называемой «Террористической фракции», не сумели убить венценосца. Незваные гости решили исправить эту оплошность с помощью невиданных для нас технических средств. Вынужден с горечью признать: если бы негодяям не помешали, эти планы могли осуществиться. Нашему доблестному Жандармскому управлению оказалось нечего им противопоставить. Не так ли, господа?

Жандармы, устроившиеся тесной кучкой возле колонны, угрюмо молчали. Ещё бы – кому приятно расписываться в собственном провале?

– Вкратце изложу всю цепочку событий для тех, кто ещё не знаком с этой историей во всех подробностях, – кивок в сторону чиновников, устроившихся на крайних стульях. – Я понимаю, вам, как людям гражданским, непросто...

– Бросьте голубчик – густым басом произнёс господин с петлицами железнодорожного ведомства. – Все мы в одном положении; не думаю, что у господ военных имеется опыт подобного рода.

Кавалергард не стал спорить. По рядам прошло шевеление, однако возражений не последовало – чего нет, того нет, прав путеец...

– Меня озадачило отсутствие здесь представителей Академии Наук, – продолжал железнодорожный чин. – По-моему, это как раз их забота – разгадывать загадки грядущего.

– Мы рассматривали такую возможность, когда собирали вас, – согласился Корф. – Но – увы, нельзя полагаться на способность этих господ... хм... воздерживаться от публичных дискуссий, когда этого требуют соображения безопасности. Мы, конечно, привлечём учёных мужей, но когда и кого – решать, господа, вам и только вам. То есть тем, в чьём благоразумии и верности Империи и царствующему дому нет ни малейших сомнений.

Железнодорожный чин развёл руками – мол, дело ваше, посмотрим, послушаем. Ротмистр потёр переносицу и снова заговорил:

– Итак, стараниями некоего учёного, наш с вами мир соединился своего рода проходом, тоннелем с другим миром, который в первом, так сказать, приближении, можно считать нашим будущим. Но – именно в приближении; то, что происходит у нас, никак не влияет на то будущее, в котором обитали до какого-то момента наши гости. Их прошлое неотлично похоже на наше, но это разные мироздания, разные «мировые линии истории» – я пользуюсь сейчас терминологией «гостей».

Учёный, открывший этот тоннель, не думал о том, как распорядиться своим открытием – неудивительно для того, кем руководит страсть к чистому познанию. Этот человек (кстати, доцент истории Московского Университета), предпринял несколько вылазок в «будущее», но, на свою беду, не смог сохранить это в тайне. В эту тайну оказался посвящён человек расчётливый и начисто лишённый моральных устоев. Этот подданный бельгийской короны, личность, пользующаяся заслуженной репутацией авантюриста, руководствовался уже не научным любопытством. Он собирался извлечь из будущего выгоды лично для себя. Наш-то доцент даже и не подумал, какое

могучее средство обогащения в его руках, а вот бельгиец... ну, да вы и сами понимаете! Расчётливому европейцу довольно получить несколько подшивок газет, которым предстоит выйти в течение ближайших лет, чтобы сколотить громадное состояние!

Слушатели зашумели – представить себе подобную авантюру мог любой.

– К счастью, наш доцент вовремя что-то заподозрил, – продолжил барон. – Он отказался помогать бельгийцу и спрятал свой секрет. За что и поплатился – негодяй чуть его не убил. Историк, по счастью, остался жив, но временно потерял память. Мошенник был жестоко разочарован – поразительные возможности уплывали у него из рук!

Итак, секрет прохода, соединяющего прошлое и будущее, был скрыт в помрачённом мозгу историка. И, надо такому произойти – некий московский гимназист случайно наткнулся на тайник, устроенный доцентом ещё до этих печальных событий!

В тайнике оказался предмет, открывающий проход во времени. Это были старинные чётки с коптским крестиком. А дальше – парнишка сумел воспользоваться находкой и открыть проход, ведущий прямым путём на сто с лишним лет вперёд!

Такая вот случайность, господа. Несложно вообразить, каких дров может наломать мальчишка, на долю которого выпало подобное приключение!

По аудитории прокатились смешки. Слушатели живо представили себя, подростками, оказавшимися на месте неведомого счастливца.

– Он и наломал, будьте благонадёжны. Вот, прошу: Коля Овчинников, сын капитана первого ранга Овчинникова. До недавнего времени – учащийся московской казённой гимназии.

Ротмистр сделал что-то с серебристой коробкой, стоящей на столике. На стене вспыхнул яркий квадрат, сменившийся изображением двух подростков. Зрители удивлённо загомонили.

– Все вопросы потом, господа; скажу лишь, что сейчас вы видите крошечную часть технических чудес будущего. В своё время вы детально со всем ознакомитесь.

Итак, мальчик справа – тот, что пониже, в гимназической форме, и есть наш первый герой. Именно он обнаружил тоннель между временами; именно он дал толчок событиям, из-за которых мы здесь и собрались.

А второй – видимо, один из гостей? – подал голос офицер-артиллерист, сидевший во втором ряду. – То-то гляжу, вырядился как-то по-пугайски...

Присутствующие не знали слов «ветровка», «бейсболка» и «джинсы», а потому не могли описать наряд второго мальчика.

– Вы правы, Григорий Андреевич, – кивнул Корф. – Это второй герой событий – Иван Семёнов, простое русское имя. Только вот явился этот юноша прямоком из две тысячи пятнадцатого года. И не один, а в компании с отцом, историком и журналистом. Эти двое, познакомясь с Николкой Овчинниковым, отправились вместе с ним в прошлое. То есть, это для них прошлое, а для нас с вами – самое что ни на есть настоящее.

В течение полугода эта троица путешествовала туда-сюда, никого, по большому счёту, не беспокоя. Но, будучи чужаками в нашем мире, гости довольно скоро привлекли к себе внимание. Так уж получилось, что ваш покорный слуга оказался в курсе происходящего, – тут барон слегка усмехнулся, – и принял участие в дальнейших событиях. Не стану вдаваться в подробности; скажу лишь, что кроме двоих Николкиных друзей, о тоннеле в прошлое вскоре узнали и люди, не столь бескорыстные. Я уже упоминал о них в начале нашей беседы: политические авантюристы, мошенники, хуже наших народовольцев. Да, господа, увы, в будущем эту заразу не удастся изжить вовсе. Скажу вам больше: подобные типы в скором времени взорвут всё Российское Государство и обагрят руки кровью венценосца и его семьи. Точнее, они могут сделать это – если им не помешать.

На этот раз гомон оказался не в пример громче. Офицеры вскакивали с мест, порываясь задавать вопросы; кто-то сбивчиво говорил, кто-то порывался выйти вперёд. Корф повысил голос:

– Господа, господа, к порядку! Мы не на вечеринке студентов и курсисток, ведите себя достойно!

По знаку Корфа, из боковой двери появились два офицера в жандармских мундирах. Они обошли слушателей, вручая каждому пачку бумажных листов, покрытых типографским текстом. Зал наполнился шуршанием бумаги.

– Господа, каждому из вас вручено краткое описание событий, имевших место после появления «гостей из будущего». Кстати, документы эти секретны – после окончания нашей встречи, вам придётся дать расписку в том, что вы обязуетесь хранить их в тайне. Нарушение чревато военным судом, невзирая на заслуги, чины и награды, учтите!

Слушатели расселись по местам; шуршание не стихло, разве что, сделалось послабее.

– Итак, незваные гости попытались совершить ужасное злодеяние. Мало того, что они подняли руку на Государя, на их совести ещё и бандитская вылазка в Москве, о которой вот уже несколько недель пишут все газеты. К счастью, нам удалось предотвратить и покушение на Императора, и более кровавые события в Первопрестольной, хотя без жертв, к сожалению, не обошлось. Куда более важно другое: в результате действий вот этого юноши – и ротмистр снова кивнул на светящееся изображение – проход, соединяющий прошлое и будущее оказался закрыт, и наши гости остались по эту его сторону. Всего их около десятка – люди самые разные, начиная от первых визитёров, отца и сына Семёновых, заканчивая захваченными в плен боевиками. Они все здесь, у нас – вместе с багажом знаний и невероятными техническими приспособлениями. А том числе и оружие – кое-кто из вас, господа, уже видел, на что способна техника пришельцев.

Корф что-то сделал с серебристой коробкой. В светящемся квадрате на стене возникло движущееся изображение – мужчина в пятнистой буро-зелёной военной форме от бедра стрелял из чего-то напоминающего ручную митральезу. Потом изображение сменилось: по полю, пересечённому глубокими канавами нёсся массивный, плюющийся дымом бицикл; и ехал он минимум, втрое быстрее наилучшей скаковой лошади. Зрители, особенно чиновники, затаили дыхание.

Барон снова щёлкнул странным аппаратом. Изображение погасло.

– Но ведь это замечательно, дорогой барон! – подал голос инженер-путеец. – Раз уж так всё получилось, эти ваши пришельцы могут принести огромную пользу России. Я даже не говорю обо всех этих технических чудесах! – и он потряс своей пачкой листов. – Вы только представьте – эти люди знают обо всём, что должно произойти в ближайшую сотню лет! Теперь я понял, что вы имели в виду, когда говорили о том, чтобы помешать этим смутьянам.

– Вы правы, Вениамин Акинфиевич, – кивнул ротмистр. – Их знания, разумеется, представляют для нас огромную ценность. – Но не менее важно вот что: гости не ограничились прогулками по Москве и простым знакомством с жизнью, так сказать, своих предков. Любопытство завело их намного дальше – в Сирию, в Багдадский вилайет Османской империи, до самой Александрии, где они и познакомились с неким немецким учёным-археологом. Кажется, его зовут Бургхард, или Борхард... впрочем, это сейчас неважно.

Отец и сын Семёновы вознамерились разгадать загадку происхождения тоннеля между временами и добились некоторых успехов. Ну а нам, – Корф усмехнулся, – удалось найти и вызволить из дома скорби первооткрывателя «тоннелей», доцента Московского университета Вильгельма Евграфовича Евсеина. Сейчас он пребывает в добром здравии и жаждет окончательно разгадать тайну «портала» – так наши гости называют проход между временами. Порой они пользуются термином «червоточина», о его смысле вы в своё время узнаете.

К сожалению, мы упустили того, кто похитил в своё время несчастного доцента – того самого прохвоста-бельгийца. Зовут его ван дер Стрейкер; полагаю, этот господин ещё доставит нам немало хлопот.

Наши гости, волею событий, оказавшиеся запертыми на нашей стороне «портала», выразили желание послужить России – нашей с вами России. И убедительно доказали искренность своих намерений: если бы не они, Государь наверняка бы погиб. Мы собрали здесь вас – кстати, по личному указанию Его Величества, – чтобы предложить вам небывалую работу. Мы все – военные, моряки, топографы, артиллеристы, государственные мужи – должны создать своего рода тайную службу, которой предстоит заниматься изучением дара потомков, всего того, что попало к нам из будущего. Даже не столько изучением, для этого, в конце концов, есть учёные, которых мы, разумеется, привлечём. А наша с вами задача – поставить эти сведения на службу Отечеству. Задача это ответственная и небывалая – никому на протяжении всей истории ни разу не

выпадало что-то подобное.

Слушатели молчали. Действительно, что тут скажешь? От перспектив, открывающихся перед каждым из них, захватывало дух. В наступившей тишине ружейным выстрелом прозвучал стук – молодежавый капитан первого ранга, сидевший в переднем ряду, обронил карандаш. Этот звук разрядил обстановку – присутствующие стали перешёптываться, не отрывая, впрочем, взглядов от барона.

Тот в который уже раз, поднял руку, призывая к тишине:

– Государю угодно было распорядиться об учреждении нового секретного департамента. Он будет носить название «Департамент Особых Проектов, сокращённо – Д. О. П. Кстати, это название, как и сам факт существования нового департамента – государственная тайна, не подлежащая разглашению; я уж не говорю о том, чем нам с вами предстоит заниматься. Возглавить его поручено вашему покорному слуге.

И барон церемонно поклонился. Присутствующие зашуршали мундирами, забрякали шпорами; кое-кто заплодировал.

– В наших руках господа – продолжил Корф, – будущее Российской империи и всего мира. И нам с вами предстоит решить, как лучше распорядиться этим знанием!

III

Иван Овчинников, гардемарин

До Васильевского острова мы добирались на парходике – он подошёл прямо к пристани у Морского училища.

Огромное здание выходит на набережную, между одиннадцатой и двенадцатой линиями Васильевского острова и далеко тянется по ним. По центру – десятиколонный портик, поставленный на выступ первого этажа. Справа и слева, в крыльях здания – две башни. Роскошный центральный портик увенчан

уродливой цилиндрической будкой изрядного размера; позже я узнал, что это учебная астрономическая обсерватория. Её неказистый бочонок, обшитый поверх железа досками, изрядно портит нарядный фасад. Оборудована обсерватория недурно, есть даже раздвижная стенка для наблюдения в телескопы, зрительные трубы и секстанты.

Все это я узнал уже потом; а пока, войдя в обширную прихожую, мы прошли по длиннейшему коридору и оказались в огромном лишённом колонн помещении. Это был знаменитый «столовый зал» корпуса; войдя в него, я в восхищении замер.

Высоченные окна, зеркально начищенный паркет; массивные бронзовые люстры с бесчисленными хрустальными висялками. Над парадным входом – галерея; стены украшены фрагментами гербов Морского корпуса и барельефами военных трофеев.

Вы обратили внимание, что я называю это учебное заведение то училищем, то корпусом? Сейчас, то есть в 1887-м году оно именуется «Морским училищем», а раньше (как, впрочем, и у нас, в двадцать первом веке) носило название «Морской кадетский корпус» – и многие предпочитают именовать его на старый манер.

У дальней стены зала возвышается огромная, размером с многовёсельную шлюпку, модель двухмачтового корабля. Потом мы узнали, что модель эта, бриг «Наварин», стоит здесь не для украшения: рангоут и такелаж модели в мельчайших деталях соответствуют настоящему паруснику, и на модели проводились занятия по морской практике. В торжественные дни на ней поднимают паруса и флаги расцвечивания.

С этого зала для кадетов и начиналась училищная жизнь. Сюда приводят в день вступительных экзаменов – «испытаний», как их тут называют, – а уж потом отправляют в одну из «ротных комнат», где и проходят экзамены.

Мы с Николкой наивно полагали, что избавлены от испытаний, поскольку приняты в Корпус по прямому указанию Его Императорского Величества Императора Всероссийского, и прочая, и прочая... короче – царь велел! Ну ладно, я – в конце концов, мне всё равно некуда было податься, родное «общеобразовательное учреждение 1287 Ломоносовского района города

Москвы» отделено от меня ста тридцатью годами, и нет ни малейшего шанса вернуться туда за аттестатом зрелости. А Николку-то за что? Однажды он уже отказался отправиться по его стопам отца и поступить в Морское Училище, предпочтя гимназию и в перспективе, университет. Но – с волей самодержца не поспоришь, раз уж тот решил поместить нас в среду, где подрастают наивернейшие слуги династии. Ну как же, Морской Корпус – золотые погоны, кортики, белые, чистые до скрипа перчатки и манжеты... Каста. Хорошо Николке, он-то дворянин, сын военного моряка, а его покойная матушка и вовсе голубых кровей. Нет, правда, мать моего товарища состояла в далёком родстве с сербской королевской династией Обреновичей. Ну я-то что тут делаю?

Так вот, об экзаменах – в смысле, испытаниях. Мы с Николкой рассчитывали, что нас сия чаша минует – щазз! Размечтались!

Правила есть правила и изменить их не может даже... нет, ОН, конечно, может, но это ещё не означает, что наглые щенки, которым повезло заручиться протекцией, будут избавлены от полагающейся «абитуриенту» нервотрёпки, хоть и в облегчённом варианте.

Очищать ради нас двоих ротную комнату не стали; испытания решили провести в «обеденном зале», под строгими взорами флотоводцев и императоров с портретов на стенах. Чтобы, значит, понимали, какая честь нам оказана...

Подстава в чистом виде – об экзаменах нас никто не предупреждал. Я, поначалу, даже хотел возмутиться – «как же так, а подготовиться?» – но, поймав, ободряющие взгляды барона и Никонова (оба они сопровождали нас к месту будущей учёбы), успокоился. Похоже, господа офицеры уверены, что испытания мы пройдем в любом случае, даже если не напишем ни строчки.

Уж лучше бы я и правда ничего не написал! Потому что... но обо всём по порядку.

Задание по математике оказалось несложным, и я решил не ударить в грязь лицом, а со словесностью разобраться потом, если останется время. Испытаний по латыни и греческому не подразумевалось вовсе. Этих предметов не оказалось в «общем» курсе Морского училища, близком в этом плане не к гимназиям, а к реальным училищам, где упор делался на естественные науки. Вот и хорошо: представить не могу себя за зубрёжкой этих иссушающих мозги мёртвых языков,

чтобы не говорил там дядя Макар о пользе латыни.

Ни за что не догадаетесь, что оказалось в этом испытании самым трудным!..

Такого позора я не испытывал ни разу в жизни. Через четверть часа Николка положил перед экзаменаторами аккуратно исписанные листки, я... ну не мог я отдать им те исчерканные, заляпанные чернильными пятнами клочья, в которые я превратил девственно-чистые страницы!

За год, минувший с момента нашей первой экскурсии в девятнадцатый век я научился худо-бедно расставлять все эти «яти» и «еры», привык изъясняться оборотами, которые в моё время не всякий понял бы. Но мне и в голову не пришло осваиваться со здешними письменными принадлежностями! Отцу-то хорошо, он успел застать в свои школьные годы уроки чистописания и попользоваться если не чернильницами-«непроливашками» и перьями-«лягушками», то хоть автоматическими перьевыми ручками. Я же... ну, скажите на милость – кому пришло бы в голову марать пальцы в фиолетовой гадости, по какому-то недоразумению называемой чернилами, если в кармане – безотказная гелевая ручка?

Уверен, ни один из претендентов не сумел поразить экзаменаторов до такой степени. Чтобы в четырнадцать лет не уметь ПИСАТЬ? А точнее – не уметь пользоваться общераспространённым приспособлением для письма? Изгваздать экзаменационные листы так, что это сделало бы честь обезьяне сапажу или какому-нибудь гамадрилу?

Обычно на испытания отводилось три дня: письменные и устные по математике, диктовка, геометрия, география и естественная история – устно. Мы уложились в полтора часа; задание по геометрии я делал уже карандашом, который подсунул мне сердобольный экзаменатор, решивший, что с пером мне не позволили справиться нервы. Что касается устных вопросов – то после такого позорища меня уже ничего не могло напугать. Из «обеденного зала» я вышел перемазанный чернилами, подобно двоечнику из старых советских мультиков. Как и в том, что будущие одноклассники – или как это здесь называется? – непременно узнают о моём фиаско.

Теперь, значит, еще и писать заново учиться? Ну, спасибо, Ваше Императорское Величество, удружили...

Не забыть выпросить у отца пару перьевых автоматических ручек – вроде, есть у него такие, из нашего времени... Надо думать, не откажет сынку? Хотя, может и пора учиться пользоваться местными ресурсами; рано или поздно ручки сломаются, и тогда что, карандашами карябать?

* * *

– Новых воспитанников в училище сразу же делят по ранжиру – рассказывал Воленька Игнациус, фельдфебель второго специального класса, из числа назначенных для присмотра за младшими кадетами гардемарин. – Ставят по росту, а потом распределяют по номерам шкафчиков, коек, конторок. Но вы, господа, приняты под конец года, так что получите то, что есть. Вот, прошу:

И указал новичкам на два свободных шкафчика.

– Это – кадета Толстых; скончался в ноябре от тифа, бедняга. А второй, Анненский, сломал ногу, до сих пор в госпитале. Говорят, на всю жизнь хромым останется.

Николка слегка побледнел.

– От тифа? И часто у вас так?

– Да почитай, каждый год. И чаще болеют вновь поступившие, – гардемарин одарил новичков люциферовски-зловещей ухмылкой. – Отчего случаются эпидемии, начальство доискаться не может, но каждый год одного-двух отпевают. Говорят, всё из-за того, что у нас свой водопровод, а трубы берут воду из Невы, когда она уже успевает пройти через весь город. Самая главная зараза обычно приходит весной, когда тает снег. Так что сырую воду пить строго запрещено, повсюду стоят баки с кипячёной.

Воленька прошёл вдоль ряда узких, похожих на пеналы, шкафов.

– Вот эти шкафчики будут ваши. В них положено держать казённые вещи. Штатское запрещено, смотрите – три раза в неделю сам буду проверять, да и дежурный по роте нет-нет, да и заглянет. Койки ваши рядом. Когда освободились, их вместе поставили, да уж теперь передвигать не станем, пусть

так стоят. Форму получили?

Мальчики кивнули: Николка опасливо, а Ваня – делано-независимо. Воленька, заметив это, усмехнулся.

– Ладно, переодевайтесь, через полчаса зайду, проверю. – И он направился по коридору – неспешной, нарочитой походкой, будто бы вразвалку. Отдал честь прошедшему навстречу офицеру – слегка небрежно, будто рисуясь.

Мальчики удивлённо переглянулись – им предстояло еще узнать, что этот обычай Морского училища постоянно приводит к придиркам на улицах, когда армейские, а в особенности, гвардейские офицеры останавливают морских кадетов, выговаривая им за «ненадлежащую» выправку. Бесплезно: воспитанники считают для себя унижительным отчётливое отдавание чести и «хождение во фронте», «как в пехоте». Считается, что в альма-матер ничто не должно напоминать о внешней безупречной подтянутости армейских училищ. Отношение это вошло в традицию, и училищное начальство давно примирилось с таким положением дел.

Целый час ушёл на пригонку шинелей, брюк, фуражек, рубах-голландок и прочего, как выразился Иван, «вещевого довольствия». Мальчика раздражали неудобные, архаичные предметы туалета; особенно бесили мальчика кальсоны с завязками у щиколоток. Этот аксессуар следовало носить вместо привычных трусов.

– Смотри, Вань! – Николка разглядывал листок в аккуратной рамке, висящий слева от двери спальни. Иван припомнил, что точно такие рамочки красовались и в других помещениях.

Пробудка 6 ч. 30 м. утра

Утренняя гимнастика 7 ч. 15 м. – 7 ч. 30 м.

Утренний чай 7.15 – 7.45

Первый урок 8.00 – 9.25

Второй урок	9.30 – 11.00
Завтрак и свободное время	11.00 – 11.30
Строевые учения	11.30 – 1.00
Третий урок	1.00 – 2.30
Свободное время	2.30 – 3.30
Обед	3.30 – 4.00
Свободное время	4.00 – 7.00
Приготовление уроков	7.00 – 9.00
Вечерний чай	9.00 – 9.15
Желающие лечь спать	9.15
Всем лечь спать	11.00

- Всего три урока? – обрадовался Николка. – Здорово, не ожидал!

- Рано не радуйся. – буркнул Иван. – Они тут сдвоенные, два по сорок пять минут. Так что, считай, шесть уроков каждый день.

- Вот как? – мальчик заметно приуныл. – Но всё равно, свободного времени много – вон, раз, два, три...

- Ага, по полчаса. Вот счастье-то! Еще бы понять, что тут под этим подразумевают. А то папа говорил – в армии был такой пункт в распорядке: «самостоятельная подготовка». Это когда все сидят в Красном Уголке и зубрят «Устав гарнизонной службы». Или ещё что-нибудь, столь же увлекательное, скажем, передовицу в «Красной звезде».

– А «Красная звезда» – это что? – немедленно поинтересовался Николка.

– Газета такая, особая, для военных. Я сам не видел, но папа говорил – её все солдаты и офицеры читали. Вот и нам найдут что-нибудь в этом роде!

– Ладно, чего там гадать... – вздохнул Николка. Зловещие прогнозы товарища породили в нём неуверенность. – Скоро сами всё узнаем.

– Да, кстати, – спохватился Иван, – медальки-то! – Помнишь, офицер говорил – «носить не снимая?»

– Ну, не знаю, – замялся Николка. – Неудобно как-то. Получится, что мы хвастаемся?

* * *

История медалями вышла непростая. Апогеем её стала яростная перестрелка на московских улицах, причём в ход пошли не только берданки, винчестеры и винтовки Крнка, но и вполне продвинутые стволы, доставленные из двадцать первого века.

Виной всему стала компания отчаянных леваков-анархистов, сумевших просочиться через порталы. Впрочем, какое там – «просочиться»! Если бы новоявленные путешественники во времени хоть немного задумались об элементарных мерах предосторожности... но – как сказал один государственный муж: «хотели как лучше, а получилось как всегда».

В результате девятнадцатый век, кроме Ивана с отцом и доктора Каретникова, приобрёл ещё с полдюжины незваных гостей. И эти визитёры не собирались забивать себе голову невмешательством в чужую историю, «эффектами бабочки и тому подобной ерундой. Радикалы чётко знали, чего добиваются; наскоро освоившись в прошлом, они затеяли сразу две громкие акции. Первая – убийство Александра III; вторая – шумная, со стрельбой, взрывами и большой кровью, экспроприация в самом центре Москвы. Удача сулила невиданный авторитет среди сторонников почти разгромленного Охранного отделением народовольческих организаций, и, как следствие, возможность создать революционную боевую организацию. А уж имея в кармане фигу в виде знаний,

оружия и техники далёкого будущего...

Днём покушения было избрано первое марта 1988-го года – годовщина убийства предыдущего императора, Александра Второго Освободителя. Лидер радикалов, студент-философ МГУ Геннадий Войтюк, недаром выбрал именно эту дату. Ему, разумеется, прекрасно было известно, что именно первого марта состоится – и провалится! – покушение, устроенное Террористической фракцией Народной Воли, под руководством Александра Ульянова. Но чужаки не собирались помогать народовольцам «брата Саши», и уж тем более, спасти их от жандармов. А настоящий, смертельный удар наносили две боевые группы, вооружённые пулемётами и противотанковыми ракетами.

Вторая акция была намечена в Первопрестольной. Ударный отряд на мотоциклах проникает в прошлое через портал на улице Гороховской, тот, которым давно пользовались Николка и Иван с их друзьями, и... дальше, как говорится, дело техники. Автоматическое оружие, гранаты, навыки, приобретённые в паре горячих точек... у московских городских не было ни единого шанса!

А дальше – террор, террор, террор! Пронестись по улицам, рассыпая вокруг очереди, залить улицы Москвы кровью. Отвлекающий удар, дымовая завеса – в то время как главную задачу решали совсем другие люди. Этим – группе из пяти человек с укороченными калашами и ручным пулемётом – предстояло, пройдя через портал в московских подземельях, захватить кассу Купеческого общества взаимного кредита. Охрана? Не смешите мои тапочки – эсеры-максималисты двадцатью годами позже взяли ту же кассу, вооружившись парой маузеров и бомбами в жестянках из-под монпансье, прицепленных на верёвочках к пуговицам пальто.

Тогда, в 1906-м эсеры взяли около девятисот тысяч ассигнациями, золотом и валютой. В этот раз улов мог оказаться не хуже; вместе с политическим капиталом, заработанным на убийстве императора, он вполне мог стать базой для создания новой, могучей и безжалостной террористической организации. Гена Войтюк, затеявший обе акции, не собирался ждать волны, что вынесет наверх Гершуни, Азефа, Чернова, Савинкова. Он сам хотел занять место нового гения террора и вершителя судеб. Средств для этого должно было хватить: оружие и техника из двадцать первого века, золото из банковских подвалов; знания, принесённые из будущего – тайны политики, экономики, стратегии, спрятанные здесь за семью печатями, но доступные кому угодно в Интернете. И, главное – ужас, наведённый на обывателя невиданными возможностями

террористов. Ужас, который наверняка отобьёт всякую мысль о сопротивлении.

Но – не сложилось. Подвели собственные соратники; Жандармское управление, получившее сведения от Корфа и гостей из будущего, тоже не ударило в грязь лицом. В Петербурге радикалы попали под колпак ещё до того, как прозвучал первый выстрел. Без жертв, впрочем, не обошлось: в перестрелке на Троицкой площади погибло несколько обывателей, а сам Государь был легко ранен острой щепкой от возка, разбитого ракетой.

Отбить московскую вылазку оказалось не так просто. Если бы не решимость мальчишек из скаутского отряда «волчат», злоумышленники вполне могли добиться своего. Бандиты, нацелившиеся на Судный банк, попали в ловушку прямо в подземных галереях, где и были частично перебиты, а частично захвачены. Главную роль в этой отчаянной вылазке сыграли Иван и его спутник, московский репортёр, знаменитый в будущем писатель Владимир Гиляровский.

На московских улицах завязалось настоящее сражение. Погибли несколько «волчат»; пал командир отряда, кадет Серёжа Выбегов. Шальные пули косили мирных московских обывателей, но это было только начало – в ста с лишним годах впереди, готовилась к броску в прошлое вторая ударная группа.

Оставался последняя, отчаянная мера: разрушить межвременной тоннель, пока не хлынули из него новые убийцы. Как это сделать – было известно, спасибо доценту Евсеину и его александрийским изысканиям. Оставалось принять решение, и оно было тем более трудным, что тоннели, скорее всего, закроются навсегда.

К чести Ивана с Николкой надо отметить – ребята не колебались ни секунды. Банда мотоциклистов, не дождавшаяся подкрепления, была зажата в переулках и рассеяна винтовочными залпами. Уцелевших переловили подросшие из Фанагорийских казарм солдаты резервного батальона подполковника Фефелова; стрелкам пришлось не только воевать с бандитами, но и отбивать их у толп разъярённых москвичей.

Дело было сделано; порталы схлопнулись и, похоже, навсегда. О дороге домой оставалось забыть; Иван, его отец, доктор Каретников – все они, сами того не желая и не ожидая, из гостей превратились в жителей того самого прошлого, куда раньше ходили на экскурсии.

Кроме Николки, о гостях из будущего знали несколько человек – лейтенант Никонов, моряк и специалист по минному оружию, барон Евгений Корф, бывший кавалергард, а ныне, владелец фехтовального клуба в Москве. А ещё – шестнадцатилетний Яша, племянник еврея-часовщика. Юноша мечтал о карьере сыщика – и начал её, схватившись сначала с международным авантюристом, бельгийцем ван дер Стрейкером, а потом и с куда более серьёзным противником.

Но теперь, после кровавой неразберихи в Москве, после пулемётных очередей на Троицкой площади Санкт-Петербурга и учебного ПТУРСа, чуть было не угробившего царя в его же собственном возке, скрывать что-либо стало решительно невозможно. Пришельцы были взяты в оборот Жандармским отделением, и... победителей, как известно, не судят. Александр Третий оценил помощь, оказанную гостями из будущего и их «местными» друзьями и, как водится, не остался в долгу. Награды, чины, ответственные посты, а для Вани с Николкой – направление на учёбу в Морское училище. «За богом молитва, а за царём служба не пропадает»!

Гимназисты-«волчата», герои московских боёв, были отмечены медалями и личной благодарностью Государя. Такие же награды достались Ивану с Николкой – Александр знал, чем им пришлось пожертвовать ради победы.

Медаль «За храбрость», учреждённая в 1807-м году, предназначалась для «награждения воинов иррегулярных формирований» (например, казаков и ополченцев) за отличия в боевых действиях, а также за подвиги, проявленные в схватках с нарушителями общественного порядка и хищными зверями, как в военное, так и в мирное время». Носить медаль полагается на георгиевской ленточке – Ваня, примерив её, довольно хмыкнул, увидав столь популярную в его времени чёрно-оранжевую полоску.

Медали были обязательны к ношению с повседневной формой. Ване с Николкой пока не полагалось кадетских знаков отличия: шинели и голландки без погон, фуражки без кокард и ленточек придавали их владельцам вид арестантов. Николка с Ваней понимали, что это может стать предметом насмешек, так что медали придутся кстати – такими не может похвастаться ни один воспитанник Училища. Не зря дежурный офицер поглядывает на награды с заметным уважением.

– Кадет Овчинников! Кадет Семенов!

– Я, господин лейтенант! – Николка вытянулся во фрунт. Иван, чуть замешкавшись, последовал его примеру.

– Вижу, вы получили обмундирование?

Мальчики кивнули.

– Заканчивайте, и через четверть часа явиться в вестибюль, одетые по форме для выхода в город. С шинелями. Сегодня вам разрешено переночевать дома – попрощаетесь с родными, возьмёте с собой, что понадобится. А завтра, к первому уроку извольте в училище!

Мальчики радостно переглянулись. Прыжок головой в омут откладывался по крайней мере, до завтрашнего утра.

* * *

– И за что нам такое счастье? – пробурчал Иван. – Именно Морской корпус... то есть Училище? И что, царь самолично велел нас туда определить? Забот у него других нет, что ли?

– А что мы могли сделать? – развёл руками Олег Иванович. Сын уже не в первый раз заводил этот разговор, и всякий раз заканчивал жалобами и невнятными обещаниями вылететь из Морского Корпуса на первых же экзаменах.

– Вашу судьбу решила устроить лично императрица Мария Фёдоровна. И велела устроить своих подопечных в «лучшее в Империи учебное заведение». Я испугался, что имеется в виду Пажеский корпус, но Бог миловал – нечего вам делать в этой «кузнице придворных кадров». Речь заходила и о Павловском училище, но Морское, я полагаю, всё же, получше. Флот, техника, математика, точные науки...

– Видел я эту технику! – хмыкнул Иван. – Хайтек эпохи стимпанка!

– Предпочитаешь шагать по плацу с винтовкой? – поинтересовался отец. – В Павловском на строевые занятия времени отводится вдвое больше, чем у вас, а

дисциплина не в пример жёстче. Один цук чего стоит! Да и Никонов за вас попросил.

– Ему-то зачем? – удивился Николка. – Барон, вроде, говорил, что лейтенант с головой ушёл в свои мины?

– Уйти-то он ушёл, – согласился отец. – но нам сейчас нельзя замыкаться на чём-то одном. Барон требует перенести на бумагу всю информацию по флоту и кораблестроению. Работы – непочатый край; мы ведь тащили в прошлое все подряд, не имея выяснить что точно там имеется – «потом, мол, разберемся». Вот это «потом» и настало. Людей, умеющих обращаться с компьютером, почти нет: ты да Виктор, а ему доверия – сам понимаешь... Мы с Макаром люди иной эпохи, а Ольга... ей не до того.

Ваня согласно кивнул. Сразу после покушения, когда история путешествий во времени получила огласку, лейтенант Никонов испросил соизволения жениться на гостье из будущего. Откладывать свадьбу не стали, тем более, что Ольга была, как здесь говорят, «в интересном положении». Так что, рассчитывать на её помощь не приходилось – молодая женщина с упоением вживалась в новый для неё мир. И теперь Никонов, произведённый в капитаны второго ранга, разрывался между беременной женой, Минным комитетом и ведомством Корфа.

– Вот вас с Николкой и отрядят в помощь Сергею Алексеевичу. – продолжал отец. – Так что учёба – учёбой, а главная ваша задача – помочь Сергею Алексеевичу разобраться в базах данных.

В здании Морского училища расположены «офицерские классы»; там вам с Николкой и обустроят уголок. Список оборудования составишь сам; помещение, охрана и прочее – это забота нашего новоиспечённого «кап-два». Так что готовься, часа два-три в день у тебя на это уходить будет.

– Три часа? – возмутился Ваня. – А ты наше расписание видел? Там свободные окошки по полчаса, не больше! А жить когда?

– С расписанием – это ты к Никонову. – Олег Иванович заметил, что сын приободрился, услышав, что и в училище, он не будет отлучён от своих любимых компьютеров.

– И привыкай, теперь только так. Ты у нас незаменимый специалист, так что и спрос будет соответствующий. А хочешь облегчить себе жизнь – натаскай Николку, будет тебе помощник...

– Помощник! – фыркнул Иван. – Да тут десятка мало!

Было видно, что препирается он скорее для очистки совести.

– Только чтобы училищное начальство в наши дела не лезло! Пусть Сергей Алексеич объяснит, что нам придётся и по ночам работать, и вообще...

– То есть, режим побоку? – ехидно поинтересовался отец. – Объяснить-то он объяснит, но вы не зарывайтесь. Учти, Корпус – это не твой гуманитарный лицей, там выскочек, которым начальство даёт особые послабления, могут и невзлюбить.

– Ничего. – ответил повеселевший Иван. – Как-нибудь разберусь. Ты вот что лучше скажи, не передумал уезжать? Нечестно всё-таки: в Сирию вместе ездили, а тут такое интересное дело, а мне сиди, зубри?..

– А ты что, решил, что теперь и учиться не надо? – осведомился отец. – Между прочим, императрица собирается следить за вашими успехами, так что не расслабляйся. И вообще, что ты забыл в Александрии? Я ведь туда больше для очистки совести еду, ну и Евсеина поторопить – что-то застрял наш доцент в бурхардтовых подвалах. А в Конго нам вряд ли придётся ехать, других дел полно. Скатаюсь в Египет на пару месяцев, к лету вернусь. И устроим вам каникулы – съездите с Николкой в Севастополь. В подготовительных классах практических плаваний ведь не положено?

– А кто его знает? – пожал плечами мальчик. – Ещё не выяснял. Да и когда оно, это лето... Так ты скоро едешь?

– Послезавтра. Я написал Антипу, – помнишь нашего сирийского «Мушкетона»? – он будет ждать в Одессе. Оттуда на пароходе, в Александрию, ну а дальше видно будет. Сборы закончены, чего откладывать?

– Видал я твои сборы... – проворчал Иван. – на два месяца, говоришь? А барахла набрал на полноценную экспедицию: снаряга, оружие, аптечка...

– Мало ли что в дороге случится? – усмехнулся Олег Иванович. – К тому же я не один, а с командой – поручик, военный топограф, и урядник при трёх казаках. Они составят мне компанию до Александрии, а если понадобится, то и дальше: в Занзибар, а оттуда – по пути Юнкера, от восточного побережья к озеру Виктория. Сам Юнкер недавно вернулся в Россию и пару дней назад он выступил с докладом о своем путешествии на собрании Русского географического общества. Я там был, и познакомился с Васильем Васильичем. Мелькнула, признаться, мысль, зазвать его с нами, но увы, здоровье не позволяет. Семь лет в Центральной Африке – это не шутка! А жаль, интереснейший человек, и места те знает отменно.

– А говоришь – «туда-сюда». – хмыкнул мальчик. – Мне-то зачем лапшу на уши вешать, я что, не понимаю, что ты на Конго нацелился?

– Не факт, не факт... – покачал головой отец. – Может и обойдётся. Но ты прав, этого варианта я не исключаю. Путешествие в Чёрную Африку – это год-полтора, не меньше. А ты пока поучись, да и Никонову поможешь. Будешь под присмотром, а то вам с Николкой дай волю – еще какой-нибудь портал отыщете, лови вас потом у неандертальцев!

IV

Из путевых записок О. И. Семёнова.

Вот и взялся я за очередную тетрадь путевых записок. В предыдущую я писал крайне неаккуратно, да и события, в ней затронутые, не связаны с путешествиями – не считать же за таковое переезд из Москвы в Петербург?

Итак, впереди снова Одесса, волны Чёрного, Мраморного и Средиземного морей, берега Африки. Два года назад мы с Иваном вот так же покинули Одессу на пароходе, везущем паломников в Святую Землю. Мы тогда не понимали, что нас ждёт; не понимаю я этого и сейчас. Остаётся лишь ощущение тайны и неких грандиозных возможностей, скрывающихся за горизонтом. И надо решиться, сделать шаг, а уж там – только успевай ноги переставлять...

Тогда, летом 1886-го года, мы с сыном отправились в Сирию, в Маалюлю, известную пещерными христианскими святынями и монастырями. Обрывок древнего манускрипта, припрятанный открывателем портала, доцентом Евсеиным, и найденный моим сыном и его приятелем, недвусмысленно указывал именно на этот городок; у нас были основания предполагать, что в крипте древнего православного монастыря скрывается документ, способный пролить свет на тайну межвременного портала. Так что ожидать мы не стали; пароход, зафрахтованный Палестинским православным обществом, доставил нас в Сирию, а оттуда мы двинулись в Маалюлю – верхом, через пустыню.

Поначалу дела шли гладко; заветный манускрипт удалось скопировать без особого труда. А вот возвращаться пришлось не проторенной дорогой, а крюком через Ирак, ныне багдадский вилайет Османской Империи, Аден и Александрию. Случались на пути и стычки с разбойниками, и плавание по Евфрату, и красоты древних развалин Пальмиры...

На улицах Басры – древней Бассоры – мы оказались втянуты в кровавые события вогабитского мятежа. Из города вырывались на паровом тягаче, наскоро заблиндированном бронёй, мешками с песком и шпалами. Германский инженер-механик Курт Вентцель, помогавший нам в этом непростом предприятии, оказался археологом любителем; он-то и познакомил меня с хранителем собрания египетского хедива, профессором археологии Бургхартом. И тут случилось то, что ценители «попаданческого» жанра в фантастике, не назвали бы иначе, как «роялем в кустах»: профессор много лет назад отыскал в собрании редкостей египетского хедива некий артефакт, стопку странных металлических листов, напрямую связанных с нашей загадкой. Мы вынуждены были открыться старому археологу – и не пожалели, так как приобрели неожиданного союзника и единомышленника. Его находки стали недостающим паззлом в картине, которую мы тщились собрать; и вот теперь я снова отправляюсь в Александрию, рассчитывая добавить в мозаику очередной кусочек.

Спасибо Евгению Петровичу Корфу – наш дорогой барон сумел добиться для меня разрешения отправиться в Египет для «научных изысканий». Положение всех причастных к тайне, таково, что и на менее масштабные действия требуется Высочайшее соизволение. Я был наполовину уверен, что получу отказ; другая же половина «меня» ворчливо предсказывала, что одним отказом дело не ограничиться. Однако ж – нате вам! Похоже, свежеиспечённый начальник Департамента Особых Проектов убедил царя, что данный вояж имеет наиважнейшее значение для интересов Российской Империи, так что

разрешение было получено в самые короткие сроки. Мало того, мне не придётся оплачивать экспедицию из собственных, не таких уж и обильных средств – расходы отнесены на бюджет Д. О. П. Выделена даже охрана, хотя, формально поручик Садыков, офицер корпуса военных топографов, послан с целью «уточнить некоторые картографические сведения, доставленные экспедицией Василия Васильевича Юнкера». Похвальна, конечно, столь трогательная забота военно-картографического ведомства о трудах этого замечательно географа; но всё же, рискну усомниться в том, что интересы русского Генерального Штаба простираются до берегов Конго. Да и какие там уточнения – Юнкер вернулся буквально вчера, и до обработки материалов экспедиции дело дойдёт не скоро. Хотя – кто знает? Во времена моей молодости соответствующее ведомство СССР полагало областью своей деятельности всю планету. Может, и любопытство их предшественников простирается столь же далеко?

При поручике состоит казачий урядник с тремя станичниками; эти вызвались в путешествие своей охотой и, к тому же, имеют опыт среднеазиатских экспедиций. Конечно, Средняя Азия – не Экваториальная Африка, но всё же, спутники мои люди бывалые, и я рад им. Что-то подсказывает мне, что Александрия станет лишь начальным этапом...

В Одессе к нам присоединился Антип – отставной лейб-улан, которого мы подобрали в Малой Азии. Антип попал туда в числе паломников, но заскучал – и принял предложение наняться к нам в качестве эдакого Мушкетона или «проводника джентльмена» из романов Буссенара. Показал он себя превосходно, что в перестрелках на улицах Бассоры, что в александрийских похождениях, что – немаловажное обстоятельство! – в экспедиционном быту. Антип оказался мастером на все руки, недурным поваром, хорошим стрелком. И, ко всему прочему, прекрасным знатоком лошадей и прочих кавалерийских премудростей. Он и Ваньку моего натаскал, да так что тот удивлял верховыми ухватками конников-реконструкторов в двадцать первом веке.

Вернувшись с Ближнего Востока Антип решил осесть в Рязани, но заработанные деньги не пошли ему впрок. Попытка заняться торговлей не увенчалась успехом – то ли, не было в бывшем улане коммерческой жилки, то ли оказался он слишком честен для этого занятия. В марте я получил от него слёзное письмо с просьбой пристроить к какому ни то делу, так что предложение отправиться в новое путешествие пришлось кстати. В Д.О.П.е его кандидатура не вызвала возражений; Незачем говорить, что подготовка экспедиции, и в особенности, подбор участников, проистекали под неусыпным наблюдением ведомства Корфа.

И вот я, как встарь, кейфую на палубе парохода. Погоды стоят отличные, разве что прохладно; Антип аккуратно таскает мне то пиво, то кофе, то грог из корабельного буфета – чего ещё, скажите на милость, желать путешественнику? Имущество упаковано в десяток сундуков и кофров, в кармане – рекомендательное письмо к российскому консулу в Александрии. Все заботы ждут нас на берегах Египта, а пока есть возможность подробно описать соображения, побудившие меня к этому вояжу.

В январе прошлого года мы отослали Вильгельма Евграфовича Евсеина, доцента Московского университета и первооткрывателя портала, в Александрию, в гости к археологу Бурхардту. После того, как мы с доцентом нащупали подход в исследовании загадочных «александрійских» пластин – научились совмещать их, как паззлы, в большие квадраты, в результате чего на образовавшихся листах проступал скрытый текст, – встал вопрос о расшифровке остальной «картотеки». Но грозные события последних месяцев не позволили уделить изысканиям должного внимания. А потому, доцент отправился в Александрию в одиночку и там, в тиши бурхардтовых подземных «лабораторий» занялся исследованиями. Результатом (пока, увы, единственным) оказался способ «закрытия» порталов; эти сведения сразу пришлось употребить в дело, и в результате мы застряли в прошлом. Нет, я не виню сына за то, что он принял это решение; более того – я сам посоветовал ему прибегнуть в критический момент к этому средству. Так что теперь «тоннель в будущее» закрыт, и, похоже, надолго. Евсеин полагает, что навсегда, но здесь я с ним не соглашусь: на пластинах наверняка отыщется подходящее средство, намёки на это есть.

Иного пути в двадцать первый век всё равно нет, так что нельзя упускать даже мимолетный шанс. Да и покровители наши в лице Департамента Особых Проектов, крайне в этом заинтересованы.

Даже поверхностного знакомства с информацией из будущего, оборудованием, трофейной техникой – средствами связи, мотоциклами, оружием – хватило, чтобы посвящённые впали в эйфорию. Сведения из будущего носят не только военно-технический характер. Рискну утверждать, что на первом месте по важности вовсе не информация о калибрах, броненосцах и лошадиных силах моторов. Куда важнее, например, всё, что касается ключевых персоналий – политиков, венценосных особ, учёных, военных. Прибавьте «послезнания» об общих тенденциях в международных отношениях, во внутреннем положении государств, в экономике, международной торговле, идеологии. А как насчёт секретов европейских разведок и контрразведок? Роковые тайны рухнувших

империй мулсируются на исторических форумах в Интернетe, а здесь эти секреты берегут как зеницу ока... А подноготная революционных и террористических организаций, вроде тех же эсеров в России и по всей Европе?

Но мало получить эти сведения: надо передать их компетентным и высокопоставленным особам – чиновникам министерства внутренних дел, дипломатам, лицам, радеющим о развитии промышленности и экономики. И немедленно расстаться с иллюзиями касательно скрытности. Как ни настаивал Корф, как ни пытался убедить государя усилить режим секретности – всё зря. В России девятнадцатого века представление о гостайне пребывает в зачаточном состоянии. И захоти царь и его верные жандармы обеспечить должную конфиденциальность – всё равно бы ничего не вышло. Слишком многие в курсе; и слишком сильна в российской верхушке привычка решать дела кулуарно. Слишком крепки традиции «неформального обмена информацией», попросту говоря – сплетен.

Люди, которым предстоит иметь дело с отобранной информацией, не относятся к числу тех, кому можно передать папку с «совсекретными» материалами, не сообщая, откуда они взялись. Так мог поступить разве что Иосиф Виссарионович – да и то, лишь в плохом попаданческом романе. В реальной же ситуации сведения об происхождении информации не менее важны её содержания. Министру иностранных дел мало знать о настроениях в правящих кругах той или иной державы, важно еще и представлять, откуда взялись эти сведения – хотя бы, для того, чтобы оценить их достоверность.

Так что круг посвящённых уже в первые дни превысил три десятка человек. К ним прибавились разного рода адъютанты, личные помощники, заместители – и это не считая письмоводителей, мелких чиновников. И, разумеется, домашние, друзья, карточные партнёры и родственники – здесь не принято скрывать интересную новость от супруги или, скажем, партнёров по еженедельному висту.

Прикидывая темпы утечки сведений за рубеж, мы с Корфом давали оценку в два месяца, с учётом времени, которое понадобится на осмысление полученной информации. После чего перемещение любого лица, причастного этой истории будут отслеживать, не считаясь с затратами, так что дорога за пределы России будет нам закрыта. Отсюда и спешка в организации «африканской» экспедиции – промешкай я ещё месяца полтора, и от поездки пришлось бы отказаться вовсе, либо отправляться в путь с батальоном охраны, что лишило бы предприятие

всякого смысла.

Пришлось отказаться от масштабной экспедиции. Если уж придётся отправиться в Экваториальное Конго, то надо как под землю нырнуть, исчезнув для тех, кто скоро будет выслеживать нас по всему миру.

Это всё резоны практические; мотивы же, что двигают мною, носят иной характер. Я не умаляю важности экспедиции; но не это играет сейчас для меня наиглавнейшую роль. Дело в том, что получив известие о закрытии порталов, я испытал несказанное облегчение. Ситуация, сложившаяся в течение последнего года, причиняла мне почти физические страдания: с одной стороны, я осознавал: то, что начиналось как экскурсия, постепенно превращается в манипуляции судьбами миллионов людей, целого мира, причём чужого нам! А с другой – куда деться от ответственности за то, что мы здесь наворотили? Касайся история с порталами лишь меня, сына да Андрея Каретникова, я давно предложил бы прекратить затянувшиеся прогулки в будущее, или, хотя бы, постараться свести к минимуму эффект от нашего вмешательства. Пока мы таскали из прошлого века сувениры и тешили собственное любопытство – всё было ничего. Я наслаждался ролью учёного, дорвавшегося до живой, невыдуманной истории. За сына тоже оставалось лишь радоваться – парень вырослел не по дням, а по часам, получая закалку, какая и не снилась его сверстникам. Одна поездка в Сирию сделала его старше и серьёзнее одноклассников года на два. Ванька менялся на глазах и внешне, и в манере говорить, и в поведении.

И всё же происходящее до поры оставалось для него аттракционом, приключением – порой страшноватым, но захватывающим, на манер бессмертного «Назад в будущее». И рассуждения его о помощи жителям этой России, о шансе подхлестнуть их прогресс (как и прочие идеи, позаимствованные из псевдоисторической фантастики) оставались на уровне прожектов.

Но этим дело, увы, не ограничилось, и виной тому моя собственная неосмотрительность. Поначалу, лейтенант Никонов попал в сферу нашей деятельности совершенно случайно, и благодарить за это следует Ивана с Николкой. Мне бы оценить деликатность моряка, который не стал обращаться в полицию или к жандармам, найти с ним общий язык – так ведь нет! То ли от неожиданности, то ли от излишней самоуверенности, я решил действовать с позиции силы, для чего и заманил Никонова на нашу сторону временного тоннеля, в двадцать первый век. Знал бы я, к чему приведёт эта глупость...

Никонов не поддался на столь откровенное давление. Он – разумеется, не понимая, во что ввязывается! – попросту сбежал от меня, растворившись в муравейнике мегаполиса. Напрасно я метался по улицам; напрасно подключал знакомых из милиции и обзванивал больницы и морги; напрасно искал по новостным сайтам. Лейтенант довольно скоро обзавёлся помощниками: случай свёл его со студенткой медицинского института Ольгой Смольской её братом Романом, бывшим десантником.

К сожалению, бойфрендом Ольги состоял на тот момент некто Геннадий Войтюк – личность, доставившая нам позже немало неприятностей. Недоучившийся студент-философ возглавлял группку леваков-радикалов. На серьёзные дела этих юнцов не хватало; ФСБ ясно продемонстрировало, что не собирается церемониться с любителями устраивать теракты, майданы и прочее безобразия. Но стоило Геннадию и его соратникам получить доступ к тоннелю в прошлое... впрочем, события эти я уже не раз описывал. Скажу лишь, что у молодых людей, и без того не отягощённых ни моралью ни гуманизмом, сорвало крышу. Начали они с торговли наркотиками, благо, героин, морфий и кокаин в конце девятнадцатого века продавались в любой аптеке; следующим шагом стал банальный грабёж. Обзаведясь кой-какими средствами и прибрав к рукам портал, разысканный непоседами Ваней и Николкой в подземельях Москвы, радикалы решили перейти к серьёзным делам. Самолюбие (и самомнение!) их предводителя оказалось непомерным. Даже отступничество троих членов группы – Ольги с братом и ещё одной девушки, Вероники, которая увлеклась бельгийским авантюристом Стрейкером и сбежала с ним из России, не поколебала его решимости. Найти единомышленников из числа студентов-народовольцев оказалось делом плёвым, спасибо интернету и библиотечным архивам; в результате, составленный Геной Войтюком заговор с целью убийства императора Александра Третьего, едва не увенчался успехом.

А кто виноват? Остаётся кусать локти, стуча себя в грудь и восклицая «*mea maxima culpa*», подобно истовому католику, но изменить что-то уже не в моих силах. А потому, я с несказанным облегчением принял известие о закрытии порталов. Необходимость наблюдать, как через них каждодневно, потоком идёт то, что неизбежно изменит этот мир, лишит его собственной истории, сделает дурной читерской копией нашего, угнетала меня – тем более, что я и сам приложил руку к этому безобразию.

До поры до времени нам удавалось отгородиться от происходящего иллюзией: «это не мой мир, не моя история». И предоставить людям этого времени самим, в

меру своего разумения (вернее сказать – неразумия) черпать из отравленного источника. Но, повторю: куда деться от ответственности?

Первого марта этого, тысяча восемьсот восемьдесят восьмого года, ситуация кардинально изменилась. Из туристов, не так уж и заинтересованных (признаемся честно!) в судьбах этого мира, мы превратились в его обитателей. И другой реальности у нас отныне нет, всё, что здесь происходит, напрямую касается и нас.

И ладно бы только нас, взрослых! А вот мой сын... Поймите правильно, я далёк от того, чтобы заявить: «он достаточно взрослый, чтобы принимать решения», и сознаю, как нелегко было Ваньке пойти на то, что он сделал. Ведь сам он потерял куда больше нас с Андреем; в конце концов, мы уже прожили изрядную часть жизни и теперь получили шанс начать всё заново. А Иван оказался вырван из привычной среды, отказавшись от более-менее обеспеченного будущего, хорошего образования, перспектив. Но ведь решил закрыть дорогу в двадцать первый век, который, повернись дело иначе, вполне мог бы и «досмотреть до конца»!

И нисколько об этом не жалеет. Скорее всего, он еще не осознал до конца, что случилось. Тем более что он уже научился ценить эту жизнь – настоящую, без признака виртуальной реальности! – важное дело, друзей, обретённое первое чувство... может оно и к лучшему? Да, Россию ждут потрясения, и это не только череда войн и революций, которая, как известно нами из истории, продолжится без около полусотни лет. Меня кидает в дрожь, когда я думаю о том, к чему может привести неумелое, опрометчивое использование информации из будущего...

Я нисколько не сомневаюсь, что барон Корф и Никонов – прекрасные люди, умницы, патриоты. Доктор Каретников, вообще чужд любого рода показухи, и готов расшибиться в лепешку ради светлого будущего России. Но именно это меня и пугает! Нехорошо, когда люди начинают считать себя избранными, допущенными к единственной истине...

История – слишком могучая стихия, и с ней не стоит играть в очко, припрятав в рукав десятку и туза. Даже если ты выиграть пару раз – в итоге всё равно получишь канделябром по голове; в конце концов, тебе известно лишь то, какие карты придут твоему партнёру на первой-второй сдачах, от силы. А дальше – полная неопределённость и горькое осознание простой истины: извлечь туза

из рукава способен не ты один.

Говоря без затей, я до смерти боюсь, что нашими благими намерениями окажется вымощена дорога в ад, причем, куда худший, что тот, что сложился в «неправленной» версии истории.

Горько пришлось белым офицерам, которые, замерзая в степях под Екатеринославом, до последнего момента проклинать себя: «куда же мы смотрели»? И тем, кто двадцать второго июня сорок первого сжимал кулаки в бессильной ярости – да, могли, но не увидели, не предотвратили, не успели...

Ну не смогу я потрошить вместе с Корфом и Каретниковым эту шкатулку Пандоры – и не терзаться в сомнениях: «Что за демонов мы напускаем на эту Россию, на этот мир, на это человечество?»

Впрочем, возможно, не всё так плохо и прав забытый мною фантаст. Время обладает огромной «упругостью», способной поглотить любые посторонние воздействия. Что ж, тогда мои терзания – лишь плод мании величия пополам с манией преследования.

Такие мысли способны свести с ума вернее любого наркотика; так что поездка в Африку является, по сути, эскапизмом, жалкой попыткой бегства от действительности, от непрошенной ответственности.

Вот ведь ирония – всю жизнь я, так или иначе, занимался именно эскапизмом. А как ещё назвать увлечение фантастикой, ролевками, исторической реконструкцией и в итоге, псевдоисторической публицистикой и «попаданством»? Так что, можно считать, что я пришёл к закономерному итогу: загрированная удобным словом «хобби», тяга к бегству от реальной жизни, приобрела рельефные и осязаемые формы.

Остаётся оправдание для себя самого – а что, если в конце этого пути и в самом деле найдётся способ восстановить портал? А хочу ли я этого? Снова таскать предкам не выстраданные ими, не выдавленные по капле из природы знания? Подкидывать чужие решения, давать советы, зная, что они будут приняты без оттенка сомнения? Или хлопнуть дверью, уйти, предоставив этот мир самому себе – и отравленным всходам, которые вот-вот даст наш посев?

Пароход неторопливо карабкается с волны на волну. Мраморное море встретило нас крутой зыбью; Антип уже третий раз приходит звать «барина» в каюту, подальше от стылых мартовских ветров, а я всё стою, вцепившись в леер, и пялюсь вдаль, в туманную мглу...»

V

В один из последних мартовских дней 1887-го года от Рождества Христова, в четверг, поздно вечером, в умывальной комнате Морского Училища (той, что на втором этаже, рядом с ротными комнатами пятой и шестой рот), состоялось тайное собрание пятой роты. Присутствовали не все – в умывальню явилось, дай Бог, половина кадетов; остальные, как и положено, сладко спали. Стрелки часов давно переползли за полночь, а так что собравшимся, застань их здесь один из офицеров-воспитателей, грозили теперь дисциплинарные взыскания, не очень, впрочем, серьезные. Воспитанники старших рот, именовавшиеся не кадетами, а гардемаринами, проводили ночные собрания в фехтовальном зале; там же изредка случались и дуэли. Проходили они на учебных эспадронах со снятыми пуантаре и заканчивались, как правило, ссадинами и легкими рубцами; выяснять отношения на кулачках у гардемарин не принято.

Нравы в Училище не грубые, несмотря на царившую в нём некоторую распущенность; ни следа «цука», придинок и наказаний со стороны старших воспитанников, которым славилось Николаевское кавалерийское. Случались, конечно, и единичные драки, и общие побоища – когда роты шли одна на другую; встречались среди кадет и злополучные персоны, сами напрашивавшиеся на неприятности со стороны сверстников. Порой это переходило в систематическую травлю и даже избиения, но случаи такие были крайне редки, а объектами нападок становились личности малосимпатичные и, как правило, испорченные.

Младшие роты славились духом товарищества, особенно если дело касалось разного рода проделок и шкод. Это проявлялось в устройстве ротных «бенефисов», своего рода бунтов воспитанников, объектами которых становились наименее уважаемые офицеры, преподаватели и иные служители корпуса. Формы эти «бенефисы» приобретали подчас весьма затейливые», и, хотя и карались строго начальством, но искоренить их не удавалось никогда. Неповиновение могло заключаться, например, в хоровом мычании на уроке нелюбимого педагога; во всеобщем стуке ножами и вилками в столовой зале, и

(самый героический и опасный проступок!) в бомбардировании училищного эконома кашей. Роли при этом распределялись заранее. Одни изготавливали и снаряжали «бомбы» из раскатанного чёрного хлебного мякиша, с жидкой кашей в роли пороховой начинки. На роль «метальщиков» избирались самые искусные «стрелки», которые тренировались заранее – «бунт» готовился исподволь, за несколько дней.

Отказ от участия в «бенефисе» и неготовность разделить с ротой неизбежное наказание почитались за худший из проступков. Более страшным было разве что доносительство, фискальство, но оно было столь немыслимо, что, порой, на памяти целых поколений воспитанников не случилось ни одного примера.

Сегодняшнее тайное ночное собрание пятой роты как раз и призвано было разобрать случай нарушения духа товарищества. Неслыханное дело: двое новичков, появившихся в Училище в обход традиций и правил, в середине марта, под конец учебного года, начали с того, что отказались участвовать в «бенефисе»! Мишенью должен был стать искренне нелюбимый всей ротой офицер-воспитатель, носивший прозвище «Вошь». Кличка прилепилась к нему, во-первых, из-за чрезвычайно малого роста, а во-вторых, из-за привычки в моменты затруднений почёсывать правой рукой в редкой бородёнке. Нрав у офицера был прескверный; заменив переведённого недавно на корабельную службу прежнего воспитателя, он сумел за два месяца снискать полнейшее неуважение подопечных. Что и должно было выразиться в запланированном «бенефисе» – последнем предупреждении, после которого обыкновенно следовала открытая война, неизменно кончавшаяся увольнением несчастного из Училища или переводом на другую должность. Как воспитатель, неудачник отныне не будет принят ни в одной из рот.

Новички появились в роте, когда все было уже готово, так что им было предложено участие на вспомогательных ролях. Однако, новоприбывшие категорически отказались, заявив, что не имеют ничего против жертвы, и, прежде чем подвергать её издевательствам, намерены самолично убедиться, что кара эта заслужена. Такой ответ вызвал у кадетов столь сильное недоумение, что они даже воздержались от немедленной расправы с отступниками. Возможно, те просто не поняли? Предложение было повторено вечером того же дня в ротной спальне и привело к короткой, но энергичной потасовке, из которой новички вышли победителями, несмотря на то, что противник превосходил числом самое малое, втрое.

«Беседу» с провинившимися проводил ротный заводила, Павлуша Дурново[1 - В реальной истории П. П. Дурново стал капитаном 2-го ранга, участвовал в Цусимском сражении, где командовал миноносцем «Бравый» – одним из трёх кораблей эскадры, прорвавшихся во Владивосток).], сынок московского генерал-губернатора, заслуженно носивший титул «чугунного» – то есть воспитанника, хваставшего искусством озлоблять начальников и бесчувственностью к наказаниям. Осознав, что новые кадеты откровенно высмеивают его доводы, кадет Дурново и перешёл к рукоприкладству. Реакция последовала мгновенно: старший из новичков, Иван, уклонившись от размашистого, со всего плеча, удара, схватил обидчика за грудки и двинул его лбом в переносицу. После чего, не отпуская отвороты голландки, повалился спиной на пол, уперев ступню правой ноги в живот неприятеля. Павлуша перелетел через новичка, кулём грохнулся на пол и тут же взвыл от боли – победитель сидел на нём верхом, заломив поверженному «чугунному» руку к затылку.

Остальные кадеты опомнились и кинулись на помощь, но второй новичок, Николка, подсечкой сбив первого с ног, швырнул в лицо второму подушку, подхваченную с кровати. А когда тот инстинктивно обеими руками поймал её – отбросил назад сильнейшим ударом ногой в грудь.

На этом потасовка и закончилась. Ошарашенные жестким и умелым отпором, кадеты отступили. Следующий день начался в угрюмом молчании: хотя не было никаких предварительных договоренностей, пятая рота сторонилась новоприбывших. Те же вовсе ни с кем не заговаривали.

Но уже утро принесло сюрпризы, и первый состоялся на первом уроке, по английскому. Выяснилось, что Иван прибыл в Россию менее года назад, до этого же путешествовал с отцом по всему миру. Родился и вырос он вообще в Северной Америке, чуть ли не на Аляске. Его английский, хотя и поставил в тупик преподавателя незнакомыми оборотами, всё же превосходил самый высокий уровень, показанный когда-либо кадетами младших рот. Урок прошёл в беседе Ивана и Гаврилы Анастасиевича (так звали «англичанина»), из которой остальные поняли, разве что, отдельные слова.

Рота притихла – новички оказались не так просты.

К тому же, форменные голландки обоих украшали георгиевские ленточки с незнакомыми медальками. Выдерживая, марку, никто не поинтересовался происхождением наград, но уже после завтрака ротный фельдфебель, Воленька

Игнациус был засыпан вопросами. Тут-то и выяснилось, что новички приняты в Училище вне установленного порядка, личным распоряжением Государя, в знак признательности за отражение недавней вылазки бомбистов-мятежников в Москве. Оба участвовали в уличных боях, за что и удостоены медалей «За храбрость». Особо потряс кадетов рассказ о том, как Иван, вооружённый захваченной у врага ручной митральезой, в одиночку отбивал атаку злодеев на бициклах, перестреляв их при этом около двух десятков.

Все это полезные и, несомненно, достоверные сведения Воленька почерпнул у дежурного офицера. Слухи разлетались по Училищу со скоростью лесного пожара, и в пятую роту потянулись любопытные – поглазеть на небывалых новичков.

История о гимназистах-«волчатах» не так давно взбудоражила весь Петербург. Несколько дней только и было разговоров, что о террористах на моторных бициклах с бомбами, которые залили улицы Первопрестольной кровью; о пылающих кварталах, о скошенных пулями городских и разносчиках. И, главное, о молодецкой штыковой атаке стрелков гарнизона и гимназистах, рискнувших противостоять налётчикам с оружием в руках, и чуть не поголовно при этом погибших.

Воспитанники всех без исключения военных училищ столицы отчаянно завидовали; газеты наперебой превозносили кадета Выбегова, сложившего голову, поднимая «волчат» в атаку на плюющиеся свинцом митральезы. Офицеры корпуса собирали по подписке деньги на часовню в память малолетних героев, которую собирались строить в Москве личным попечением государыни. И вот вам – двое из этой легендарной компании, оказывается, и есть строптивные новички!

Всё это и сообщил подопечным Воленька Игнациус, посоветовав не задирать Овчинникова и Семёнова. А ещё, туманно намекнул, что новички приняты в Морское Училище с некими «особыми обязанностями», о которых доподлинно известно лишь начальнику, свиты его величества контр-адмиралу Дмитрию Сергеевичу Арсеньеву.

На следующем уроке, географии, новички отсутствовали; кое-кто из кадетов уверял, что видел, как их обоих перед самым уроком увёл дежурный офицер. Кадет Доливо-Добровольский[2 - В реальной истории Борис Иосифович Доливо-Добровольский стал военным моряком, разведчиком, лингвистом, учёным. В 1918

году участвовал в мирных переговорах в Брест-Литовске. Расстрелян в 1938-м.], посланный в библиотеку за картами, натолкнулся в коридоре на необычную процессию: впереди шествовал дежурный офицер, за ним Иван и Николка, а следом – несколько человек в жандармских мундирах, нагруженные многочисленными коробками и свёртками. За жандармами шагали двое солдат – при винтовках с примкнутыми штыками. Доливо-Добровольскому велели посторониться; когда тот от удивления замешкался, один из жандармов бесцеремонно отстранил его к стенке. Когда процессия следовала мимо потрясённого кадета, тот ясно слышал, как один из новичков, Иван, выговаривал жандарму насчёт неосторожного обращения с ношей.

На строевых учениях новички тоже отсутствовали и появились только к обеду – причём и на этот раз их сопровождал дежурный офицер. Присутствовавший при этом кадет слышал, как перед тем как отправиться к столу, Иван что-то втолковывал офицеру, а тот кивал, повторяя «будет сделано».

В воздухе запахло тайной, да какой! Ни о какой расправе с новичками речи больше не шло. Заодно отложили и «бенефис», назначенный как раз на сегодняшний обед. Остаток дня рота провела в тягостном недоумении, а после отбоя самые непоседливые собрались в умывальной комнате. Случай был не рядовой – вряд ли за всю историю Морского Корпуса в его стенах объявлялись столь необычные новобранцы.

Страсти в пятой роте улеглись только к трём пополуночи. Эпизод с отказом от участия в «бенефисе» решено было на всякий случай предать забвению, тем более, что и само мероприятие не состоялось; в трусости новичков обвинить было невозможно, очень уж решительный отпор оказали они кадетам, да и медали – это, знаете ли, момент... Ротное братство – традиция, конечно, почтенная, но кадеты пятой роты не были вовсе уж чужды справедливости. А она требовала признать: новички пробыли в роте меньше суток, а за это время трудно проникнуться духом товарищества. А вот умение отбиваться плечом к плечу они показали весьма убедительно – вон, Дурново до сих пор хлюпает распухшим носом... Справиться с Семёновым и Овчинниковым, похоже, можно только скопом, а вся пятая рота прекрасно понимала, как будет выглядеть такая расправа в глазах остальных кадетов... да и в их собственных тоже.

А потому, новичков было решено не задевать и повнимательнее к ним присмотреться. Ущерб, нанесённый Павлуше Дурново было сочтён не задевающим достоинства, ибо драка была честной. А что новички прибегли к

неконвенционным приёмам – ну так он же и были в меньшинстве.

Кроме того, следовало разобраться с их странными занятиями. И подойти к этому решили с основательностью людей образованных, каковыми на полном основании считали себя кадеты. Морское училище – это вам не павлоны и не Николаевское кавалерийское с его муштрой, лошадьми и «цуком». На прямой вопрос Овчинников с Семёновым, скорее всего, не ответят, или сошлутся на секреты, раскрывать которые они не вправе. Следовало постепенно, в дружеских беседах, выяснить у новичков, чем они, собственно, заняты.

Кое-кто из кадетов, и в их числе пострадавший Дурново, заявили, что жандармские методы сыска противоречат традициям корпуса и духу товарищества. Негоже делать вид, что принимают новичков, а самим исподтишка следить за каждым их шагом! Это вызвало бурную дискуссию, стоившую роте ещё часа без сна. В итоге, постановили, что, поскольку собранные сведения никто не станет оглашать или как-то использовать в своих интересах, то и ущерба чести в этом деянии нет. С тем и разошлись, но кое-кто из кадетов ещё долго ворочался в койке, гадая о странностях этого дня.

Фельдфебель пятой роты Воленька Игнациус усмехнулся и отправился к себе. Гардемарины, носившие фельдфебельские нашивки, и, в силу того, наделённые особыми полномочиями, помещались отдельно от своих товарищей, в комнатках по четыре человека, и имели право выходить во всякое время, когда этого требовал надзор за буйными младшими воспитанниками. Так что кадет Игнациус, конечно, знал и о ночном «совещании» в умывальной комнате, и об утренней стычке в спальне, и о сомнениях, охвативших пятую роту. Но вступать не собирался, ограничившись наблюдением; кадетам предстояло разобраться самим. Воленьку тоже терзало любопытство, но он не сомневался, что рано или поздно дело прояснится. Такое уж это место, Морское училище – всё на виду, ничего не укроешь.

* * *

Тихо гудят системные блоки. В полумраке перемигиваются светодиоды; тускло светятся мониторы. Комната носила следы свежего разгрома – на полу мотки проводов, кабели, пустые коробки, пенопластовое крошево упаковочной засыпки. Отдельно, в углу сложены прозрачные листы с «пузырьками» – в ближайшие лет семьдесят такого «медитативного» средства не предвидится,

так что и этот ресурс следует тратить с умом.

Да всё здесь надо беречь, в который уже раз подумал Иван. Любой обрезок провода, любую мышку, которую раньше и в голову не пришло бы чинить – в мусорную корзину и вся недолга! А сколько добра извели впустую, пока удалось кое-как наладить сетку – страшное дело...

А как иначе? Нет больше ни «Техносилы» на соседней улице, ни интернет-магазинов компьютерного железа – всё, бобик сдох. И единственный доступный спец – это Виктор, упрятанный в Петропавловку. Лн, конечно, дал согласие сотрудничать с властями – а что, был другой выход? Разумеется, Иван знал, что без его сотрудничества предотвратить покушение не удалось бы, да и о московской вылазке они узнали от него. Но какая может быть вера предателю?

Повесить, Виктора, может и не повесят, больно ценный человек, а вот каземат в Петропавловке или там в Шлиссельбурге на ближайшие лет десять, в случае отказа сотрудничать с Д.О.П.-ом, был ему гарантирован. А с чего, собственно, отказываться? Бывшие подельники — кто перебит, кто за решёткой; идейных соображений держаться, как пленный партизан, у студента-компьютерщика что-то не просматривается. Живи себе в доме для офицеров крепости, столуйся на комендантской кухне и зарабатывай доверие. Всё лучше, чем сырая камера в рavelине...

Но все равно, Ивану не хотелось лишний раз прибегать к услугам вчерашнего врага. А собственного опыта нет, хоть плачь, так что предстоит теперь перелопачивать груды мануалов, в которые раньше и не заглядывал, радуясь, что и без него есть, кому возиться с такой тягомотиной.

* * *

Отправляя мальчиков в Училище, Корф рассудил, что раз уж им придётся помогать Никонову с архивами из будущего, то и условия для этого следует создать там же, на месте. Руководство в лице контр-адмирала Арсеньева восприняло эту идею без энтузиазма. Начальник, хоть и принадлежал к узкому кругу посвященных, не понимал, чем будут заниматься новые кадеты в стенах вверенного ему учебного заведения. Но с личным распоряжением Государя не поспоришь: Иван с Николкой получили в своё распоряжение две комнатки на третьем, верхнем этаже, рядом со штурманскими классами, как раз под

уродливой бочкой учебной обсерватории. В меньшей из комнат гудел бензиновый генератор «Ямаха»: в Питере было электричество, но вот приспособить параметры местной сети к капризной электронике было Ивану не под силу. Хотя, Виктор уже сделал нечто подобное – когда «вешал» следящие камеры на петербургскую осветительную сеть. Но эту проблему, как и многие другие, пришлось пока отложить на потом, а пока энергией «компьютерный зал» снабжал японский генератор. Бензин доставляли раз в неделю – он оказывается, весьма редок и дорог, и продаётся по преимуществу, в аптеках.

В остальном, «генераторная» в точности копировала любую техническую подсобку будущего: запах бензиновой гари, вытяжка-временка, бухты проводов, верстак с инструментами, лампы-переноски, коробки с трансформаторами и блоками бесперебойного питания, и всему этому предстоит еще устаканиться, запылиться, вращаться в обстановку.

С «компьютерным залом» возни оказалось не меньше. Поначалу Иван замахнулся на локальную сеть с сервером; необходимое оборудование было доставлено в училище под конвоем жандармских чинов и солдат с винтовками. Увы, задача оказалась не по силам, и Иван даже задумался о том, чтобы наступить на самолюбие и затребовать в Училище на денёк-другой злодея-Виктора. А пока, распаковали два стационарных компьютера и ноутбук; кое-как удалось наладить жиденькую локалку, а заодно приспособить роутер с беспроводным каналом. Никаких помех и наводок от внешних сетей здесь, слава богу, не было и в помине, так что вай-фай раздавался по всему зданию, разве что в дальних помещениях левого крыла сигнал был так себе. Зато и в ротной комнате, и в учебных классах мобильные устройства исправно показывали полную «лесенку», так что Иван с Николкой тихо радовались открывавшимся возможностям. Они уже проводили пробные «сеансы связи», даже в видеорежиме (один в обсерватории, а другой в столовой зале) и остались довольны. Теперь, как бы дело не повернулось, на руках имелся козырь, да такой, о котором никто не догадывается.

На обустройство «аппаратной» была запрошена неделя, с условием работать там до часу-двух ночи. Администрация в лице ротного офицера-воспитателя возмутилось; пришлось прибегать к тяжёлой артиллерии – обращаться к начальнику Училища. Разрешение было получено, хотя с просьбой поставить коечки прямо в генераторной, мальчишки решили повременить. Успеется.

У дверей комнат стояли теперь часовые с винтовками. Поначалу хотели привлечь к этому гардемарин, но начальство мудро отказалось от этой идеи, и караул несли матросы гвардейского экипажа. Это добавило таинственности – по училищу поползли слухи. Говорили, что Овчинников с Семёновым обустроивают на третьем этаже «лабораторию капитана Немо»; рассказывали, что новички состоят на секретной службе по борьбе с террористами, подготавливающими некий «эфирный» заговор против Государя. А помещение Морского училища выбрано исключительно в целях конспирации.

Но слухи – слухами, а отношение к Николке с Иваном сложилось весьма неопределённое. После стычки в ротной спальне, прямых конфликтов не случилось, но мальчики не могли не ощущать окружавшего их настороженного отчуждения. Проявлялось это и в нарочитой вежливости, и в задаваемых время от времени каверзных вопросах, и в отстранённости от обычных кадетских забав. Иван, а с ним и Николка, проводили свободное время в компьютерной, возвращаясь в ротную спальню за полночь. Николка испросил разрешения заниматься вне обычного расписания в гимнастическом зале, и тех пор мальчики проводили в зале не менее часа в день. Иван захватил из Москвы два комплекта защитного снаряжения для единоборств, так что теперь они увлечённо лупили друг друга кулаками и ногами, швыряли на маты, отрабатывая усвоенные вместе с «волчатами» приёмы. Чего-чего, а пособий по рукопашному бою в электронных архивах хватало, да и Ромка, навещая Петербург, не оставлял ребят без внимания. Сам он помогал Корфу в подготовке «оперативников» для Д. О. П. Во время первого визита Романа Дмитриевича (как его теперь называли) в училище, ребята оценили новенький мундир поручика, который вчерашний десантник носил с нескрываемым удовольствием. Некоторое неудобство доставляли шпоры и сабля – Роман ворчал насчёт никчёмных цацок, но потом проговорился, что берёт уроки верховой езды в манеже, монументальном здании в стиле классицизма, выстроенном восемьдесят лет назад для зимнего обучения и парадных выездов Лейб-гвардии Конного полка. Пристроил его туда Корф, и даже порекомендовал наставника, полкового берейтора. Тот учил Ромку не на страх, а на совесть, пообещав к лету сделать из новичка приличного наездника, которому никто не сможет бросить обидного «собака на заборе».

В общем, жизнь намечалась интересная. И даже весенние «переводные испытания» не слишком пугали новоявленных кадетов. Программы общих классов, представлявших собой по сути, завершение среднего образования, не обещали особых сложностей, хотя Николке предстояло подтянуться в точных науках, а Ване – в словесности, Закону Божьему и, разумеется, чистописанию. Оставался французский (в рамках гимназической программы) и английский язык,

необходимый будущим морякам. Но с этим проблем не предвиделось – мальчики даже условились один день в неделю говорить в «компьютерном зале» исключительно по-английски, а второй – по-французски. Окончательно страхи, связанные с переводными испытаниями, рассеялись, когда дежурный офицер сообщил, что кадетам Семёнову и Овчинникову разрешено пройти их осенью, вне общего порядка. Впереди было целое лето, и мальчики с легким сердцем погрузились в текущие заботы: корпусная жизнь, отладка «аппаратной», работа с Никольским. Раз в неделю воспитанникам полагался выход в город – Ване с Николкой предстояло привыкнуть к новому для них ритму жизни столицы Российской Империи.

VI

– ...все мы принуждены довольствоваться слухами, просочившимися из властных эмпиреев, и гадать на кофейной гуще. Но если – повторяю, ЕСЛИ! – в этих слухах имеется хоть малая доля истины, и в руках царского правительства находятся достоверные, неопровержимые сведения из будущего, то я первым скажу: горе нам!

Сами подумайте, о каком развитии свободной мысли может идти речь, если власть предрержащие в ответ на вопль общества с усмешкой ответят: «мы точно ЗНАЕМ, к чему приведёт то-то и то-то, а вам остаётся только покорно принять наше решение!» И кто, скажите, будет сдерживать эту тиранию мысли, которая тем и страшна, что не будет сопровождаться никакими явными запретами? У власти не будет более необходимости в столь грубых инструментах, довольно объявить о тягостных последствиях, приключившихся в будущем в результате реализации некоего новшества – и общество склонит голову, ибо кому достанет смелости спорить с тем, что известно наперед?

«Время – лучший судия» – повторяли мы, уповая на беспристрастный суд истории. Но как же быть теперь с тем, что все приговоры времени, мало того, что известны загодя, на десятки, если не сотни лет вперед – но могут быть еще и ошельмованы, подменены, да так, что мы, в нашей наивной доверчивости, будем долго ещё полагать их единственно справедливыми?

Вам, уповающим на то, что Россию ждёт невиданный взлёт и процветание, вам я говорю – трепещите! Трепещите самой страшной из тираний, с какими только сталкивалось человечество – тирании духовной! И осенённой, к тому же

фальшивым светом всезнания и все-предвидения!

В конце зала, где за спинками последнего ряда стульев стояли студенты и слушатели курсов, раздались аплодисменты. Оратор – репортёр, писавший на общественные темы в толстые столичные альманахи, – поклонился и спустился по ступеням дубовой кафедры. Но не сел на своё место в переднем ряду, а направился к выходу, демонстративно заложив руки за спину и показывая, что сказал всё, что счёл нужным.

На кафедру карабкался молодой человек с измождённым, нервическим лицом, всклокоченными сальными волосами, в мятом сюртуке. Устроившись за пюпитром, он громко откашлялся и заговорил, сопровождая слова картинными, но несколько судорожными жестами:

– Я не могу взять в толк, почему выступавшие ранее господа говорили лишь о тех последствиях для России и русской общественной мысли? Разве мы, духовные наследники Чаадаева, Герцена, мы, взращённые идеями Чернышевского, забыли, что кроме России есть еще и Европа, и целый мир, которого мы полоть от плоти – хотя бы в духовном смысле? И вот теперь, когда узурпируют знания, приобретённые – и в этом не может быть сомнений! – трудом мыслителей и учёных, не России, но Европы, почему мы беспокоимся о своих, местечковых дрязгах и выгодах, вместе того, чтобы закричать во весь голос: опомнитесь! На ваших глазах свершается самая грандиозная кража в истории: плоды вековой работы мысли, усилий просвещенной цивилизации присваиваются наглым, не признающим доводов разума колосом! И где гарантия, что знания эти не будут употреблены на искоренение свободной мысли – и не только у нас, но и во всей Европе?

Мы живем в быстро меняющемся мире и увы, перемены касаются не только свершений в области искусств и иных прекрасных творений человеческого гения! Самый значительный прогресс достигнут в деле создания средств убийства и разрушения. Всякому, что сомневается в этом, достаточно сравнить, например, Полтавское сражения и Бородинское – различие между ними заключается, по сути, в цвете мундиров да в деталях военной тактики. И в противоположность тому, сопоставить ход Крымской кампании с последней войной между Пруссией и Францией! Такой громадный прогресс, полностью изменивший военное дело – и за такое ничтожное время! А представьте, как усовершенствованы средства уничтожения за сто лет? А если вам отказывает воображение, обратитесь хотя бы к книгам мсье Жюль Верна, а потом

десятикратно, стократно умножьте то, что почерпнете из них. Но и тогда вы вряд ли получите представление о могуществе потомков!

И вот, теперь ключ к этому могуществу попал в руки худшего в истории тирана, который – о, я уверен! – он не преминет воспользоваться им, чтобы, подобно его деду, чьи руки обагрены кровью декабристов, польских повстанцев и венгерских борцов за свободу, насадить самую отвратительную реакцию. Но это случится уже в масштабах всего мира, ибо отныне никто не в силах противостоять ему!

А раз так, те, кому дорога свобода мысли, свобода образа жизни, свобода от любого рода духовного принуждения, обязаны потребовать от правительства придать полученные из будущего сведения широчайшей огласке. Дабы ими распорядилась просвещённая Европа, колыбель цивилизации, а не только властитель, наложивший тяжкую свою длань на то, что принадлежит всем людям, а отнюдь не только одной «немытой России, стране рабов, стране господ»! И уж точно не властителям, кичащимся своими голубыми кровями и голубыми мундирами!

В передних рядах послышался недовольный гул; задние разразились рукоплесканиями, не стихавшими, пока оратор не покинул кафедру. Его сразу окружили молодые люди студенческой наружности; мелькнуло среди них и несколько известных газетных репортёров, известных своим вольнодумством. На кафедру тем временем рвались сразу двое господ – но стоило одному из них добраться до вожделенной цели, в задних рядах раздался свист вперемешку с выкриками «долой» и пронзительным мяуканьем. Возмущенные голоса в передних рядах, тонули в этой какофонии; оратор же, закончивший говорить стоял в окружении своих единомышленников с видом победителя.

– А ведь прав оказался Олегыч, – со вздохом заметил Каретников, пробираясь к выходу из зала. – В точности по его словам всё и выходит!

– Да, – согласился Корф. – хотя, уважаемый Олег Иванович порой, грешит нерешительностью, не могу отказать ему в способности к анализу. Соберетесь ему писать – не откажите черкнуть пару строк от моего имени: «Мол, Корф признаёт вашу правоту и несостоятельность собственных прогнозов».

– Надеюсь, только в этом, барон? – осведомился доктор. – Настроения в среде петербургской «мыслящей публики» – дело, конечно, наиважнейшее, но ведь

этим ваше поле деятельности не ограничивается? В конце концов, мы никогда не испытывали никаких иллюзий насчёт возможности сохранить наши обстоятельства в секрете. А если и расхотелись, то лишь в сроках. Двух недель не прошло, а в Петербурге уже на все лады обсуждают «послание потомков», а заодно и террористический акт, потомками же и устроенный. Неужели вас это удивляет?

– Нет, конечно. Но хлопот нам эти господа прибавят, и презряднейше. Поди, пойми – этот «оратель» сам до такого додумался, или, кто поумнее, подсказал?

– Вы, главное, не перестарайтесь, барон. – посоветовал Каретников. – Надеюсь, вы и ваши коллеги усвоили урок, который преподаёт нам будущее?

– Да, Андрей Макарыч. Борьба с брожением в умах образованной публики запретами и цензурой – дело пустое. Однако же, поди объясни это подобным болтунам! Как и тем, кто готов истолковать мягкость властей, как признак слабости и обвинить нас же в попустительстве?

– А как быть, Евгения Петрович? – пожал плечами Каретников. – Мы с вами, а заодно и вся Россия сейчас между Сциллой и Харибдой; и никто не может предсказать, чем закончится это увлекательное приключение. Если хотите знать, мы уже необратимо изменили историю. Само то, что вопрос о знаниях из будущего столь горячо обсуждается, означает перелом в сознании общества. Теперь любое действие властей будут рассматривать через призму этого обстоятельства. А нам остаётся только гадать, как вести себя, поскольку никаких рецептов о из будущего не имеется. А если и было что...

– ...то сугубо литературного свойства, – согласился Корф. – Как же, читал. И, признаться, удивлён, как ваши литераторы в своей реакционности ухитряются превзойти даже господина Победоносцева? Открой любую книжонку о пришельцах из будущего – я этот жанр изрядно изучил, – так сразу встретишь совет: перво-наперво создать карательный орган, вроде вашего КГБ. Бунтовщиков и интеллигентов к стенке, а к тем, кого нельзя ущучить законно, послать тайных душегубцев. И наступит полнейшее благорастворение в воздушных и всеобщее счастливое согласие. Одному только и поражаюсь – как можно вообразить, что в России найдётся достаточно исполнителей столь злодейских предписаний? Неужели ваши авторы вовсе не представляют, что здесь у нас в умах творится?

– Может, и представляют. – ответил доктор. – Да только задумываться не желают. Бумага, она, известное дело, всё стерпит, да и сюжеты эти во многом определяются личными пристрастиями. Признаться, барон, я не стал бы винить их за это. После того свинства, что творилось у нас на протяжении последних двадцати лет, слова «либерал», «свобода» и «гуманизм» в России перешли в разряд ругательных.

– Кстати, барон, – добавил доктор, помолчав с минуту. – Вы бы распорядились, чтобы за этим молодым человеком, который выступал последним, слегка присмотрели? Полезно понять, в каких кругах он вращается и где нахватался столь экстравагантных идей?

– Это пусть ротмистра Вершинина заботит. – ухмыльнулся Корф. – А мы с вами давайте обсудим, как реагировать на такие умонастроения. Согласитесь, промолчав, мы лишь породим новую волну сплетен, ещё более нелепых.

– Пожалуй, я смогу кое-что подсказать. – подумав, ответил Каретников. – Был в нашей истории прецедент. В пятидесятых годах двадцатого века западные газеты наполнились сообщениями о летающих тарелочках и пришельцах из космоса. Публиковали фотографии, интервью очевидцев, писали о сбитых космических кораблях и припрятанных в секретных лабораториях трупах пришельцев.

Власти пытались всё отрицать, но чем активнее они это делали, тем более общество убеждалось, что им есть что скрывать.

– Ну-ка, ну-ка? – заинтересовался Корф. – И как же они поступили?

– Да, собственно, никак. Официальные органы перестали комментировать эти сообщения, зато газеты и радиопередачи наполнились самыми дикими слухами. То о людях, похищенных пришельцами для научных экспериментов, то о визитёрах с Марса, играющих на бирже, то о каких-то древних гостях из космоса, от которых произошло всё человечество. И заметьте, чем больше появлялось таких «откровений», тем реже публика вспоминала о том, с чего начался сыр-бор. А в итоге – сообщения о пришельце и загадочном ангаре, где правительство США якобы прячет сбитую инопланетную летающую посуду, стали проходить по разряду приведений и духов. Лет через пять к ним вообще перестали прислушиваться, не говоря уж о том, чтобы обсуждать всерьёз.

– Интересно, интересно! – оживился барон – Значит, опасные сообщения попросту утопили в потоке лжи?

– Причём тщательно подобранной и продуманной! Такой, что с одной стороны, походит на правду, а с другой, вызывает сомнения именно своим разнообразием и правдоподобием. И при том, чередуется с откровенно бредовыми выдумками, не выдерживающими разумной критики.

– И вы полагаете, что этот приём сработает и у нас? Достаточно дать в газеты несколько статей...

– Ну, не знаю, не знаю... – скептически покачал головой Каретников. – Это ведь только на первый взгляд кажется, что всё просто. На самом деле, за подобной кампанией стоит точный расчёт, а ошибка может обернуться тем, что вы укрепите общество в мысли, от которой стремитесь его отвратить. Здесь нужна работа серьёзного специалиста. Попробуйте обратиться к господину Гиляровскому. А что? Он в курсе событий, историю эту принимает близко к сердцу.

– Непременно, Андрей Макарыч. Да мы и сами подумывали, как бы привлечь его к работе. Человек он и талантливый и авторитетный; одна беда – власти его недолюбливают, и он платит им полнейшей взаимностью. Ну да ничего, надеюсь, перспектива приобщиться к такому делу пересилит у него иные соображения.

Собеседники неспешно шли вдоль бесконечного фасада здания Двенадцати коллегий, где с начала века располагался Санкт-Петербургский университет. Публичные философские чтения, на которых состоялась давешняя дискуссия, протекали на историко-филологическом факультете и неизменно собирали полные аудитории.

– Кстати, о послезнании, – продолжал Корф. – Вы, Андрей Макарыч, слышали там, в будущем, о таком обществе «Золотая Заря»?

– Какие-то масоны и оккультисты? – поморщился Каретников. – Всегда сторонился подобных тем.

– А жаль. Мы пытаемся отыскать что-то о них в ваших базах данных, но пока, увы, только самые общие сведения. Общество это, как вы верно подметили,

оккультное, причём оно даже еще и не создано – ему предстоит появиться лишь через год. Но мы получили из Англии сведения, что господа, именующие себя «основателями и магами» «Золотой Зари» проявляют оч-чень сильный интерес к экспедиции господина Семёнова.

Каретников обеспокоенно взглянул на барона.

– Вы полагаете, это как-то связано с предметом его поисков? Те господа ведь оккультисты, а в их среде модно интересоваться египетскими древностями – иероглифы, знаете ли, мумии, жреческая магия... Может, узнали, что русский учёный работает с хранителем собрания хедива, профессором Бурхардтом – вот и любопытствуют?

– Поначалу я тоже так подумал. – ответил Корф. – Но, кроме упомянутых господ, к господину Семёнову проявляет интерес лорд Рэндольф Черчилль, а этот господин в романтических играх с магией и эзотерикой не замечен.

– Лорд Рэндольф? – удивился доктор. – Отец Уинстона Черчилля? Серьёзный господин... Да, барон, это тревожная новость. Он ведь, кажется, недавно оставил пост министра Индии?

– А после этого успел побывать в Петербурге. И наверняка обзавёлся новыми знакомыми, в дополнение к уже имевшимся. Что, в совокупности с иными его оговорками даёт основание подозревать, что лорд Рэндольф в курсе наших обстоятельств никак не меньше, чем болтуны с философских чтений.

– Да. – вздохнул Каретников. – Уж кого-кого, а англофилов в петербургском обществе хватает. Так вы полагаете, Олегычу грозит опасность?

– Пока не ясно. Мы на всякий случай, послали александрийскому консулу телеграмму, пусть присмотрит за нашими учёными. В одном я уверен: назревают события, и важно вовремя угадать, какие именно.

* * *

– Ну, что скажете, друзья? – спросил высокий студент в светло-серой шинели.

– Не знаю, не знаю.... звучит слишком невероятно. Если хотя бы половина из этого правда, и правительство в самом деле получило «посылку со знаниями» из будущего...

– Посылка – это полдела! – отозвался худощавый молодой человек в фуражке училища правоведения. – Самое главное – люди, прибывшие оттуда! Те, кто принёс и передал эту посылку, и помогает теперь разобраться с её содержанием!

– А откуда ты это знаешь, Матвей? – подозрительно спросил третий, с молоточками технического училища в петлицах. – Остальные, понимаешь, слухами питаются, а ты сообщаем такие подробности?

– Ну... замялся Матвей, – мой дядя, у которого я сейчас живу, вхож в весьма высокие круги – он и поделился. Собственно, это секрет, – спохватился студент, – дядя, когда выиграет, всегда пропускает пару рюмок домашней наливки. Вот и в тот раз не удержался. Только учите, я вам ничего не говорил!

– Конечно-конечно. – усмехнулся правовед. – Это так, птичка прочиркала. Ты давай, рассказывай, что там за гости из будущего?

– Да толком ничего неизвестно, – покачал головой Матвей. – Дядя говорил о каком-то удивительном докторе: он после стрельбы на Троицкой раненым помогал и, представьте, спас троих, о которых врачи уверили, что те не жильцы. Один – так и вообще чудом; глубокое ранение в живот, две пули в кишках. По всем правилам должен был скончаться в мучениях, а он ничего, оправился и уже ходит своими ногами. Государь этого врача приблизил, и теперь тот в каком-то тайном департаменте готовит переворот в медицине.

– Только-то? – пренебрежительно хмыкнул первый, судя по шинели, студент университета. – Так и Пирогов нечто подобное сделал, и без всякой, заметьте, посылки из будущего.

– То-то, что не только. Дядя говорил, этот доктор сейчас пользует Георгия, второго сына царя от чахотки и обещает полное излечение!

– Вот как? – скривился университетский. – Лечит, значит, царского выродка? А моя Катя тем временем...

Остальные промолчали – похоже, были осведомлены о личных обстоятельствах товарища.

– В общем, всё это лишь подтверждает то, что мы услышали. – подвёл итог студент со значками Технического. – За одним исключением: если, и правда, есть люди, способные разобраться в этом послании, то опасения насчёт неправильного истолкования сведений, беспочвенны.

– И ты хочешь сказать, что из-за этого мы теперь можем верить царской власти? – возмутился правовед. – Откуда у тебя уверенность, что всё узнанное будет использовано во благо? Ведь мало истолковать, надо еще и правильно употребить!

– А я вообще не понимаю, откуда эта уверенность в благонамеренности предполагаемых пришельцев? – отозвался университетский. – Да, я помню – «четвёртый сон Веры Павловны», прекрасные картинки грядущей жизни... но кто поручится, что борьба, которую мы только начинаем, не продолжится еще целый век? А если это так – то пришельцы могут оказаться нашими идейными врагами!

– Что ты такое говоришь, Аристарх! – ужаснулся технолог. – Ты считаешь, что наше дело столь безнадежно, что победы не будет и через сто лет?

– Отнюдь, и даже наоборот. Сам посуди: если бы ОНИ и там были бы у власти – зачем отправляться к нам и вмешиваться в нашу жизнь? Она ведь для них уже состоялась – и привела их к власти и могуществу. Так зачем что-то менять? Я вот о чем думаю – там, в будущем, давно уже победила справедливость; мечты людей об обществе без угнетения стали явью. Но есть и те, кому не дают покоя воспоминания...

– И ты хочешь сказать, пришельцы – это заговорщики, мечтающие вернуть времена тирании? – ошарашено спросил студент-правовед. – Знаешь ли, Аристарх, это слишком смело!

– А иначе нельзя! – отрубил университетский. – Сдержанно рассуждать можно о нюансах давно известной теории, друг мой. А тут – нечто новое, небывалое... – от волнения он запнулся, пытаясь помочь себе неопределёнными движениями пальцев, – ...такое, что не укладывается в наши представления о мироздании!

Тут уж либо мыслить смело – либо ждать, пока на это отважится кто-то другой!

– Вот, значит, как... – протянул технолог. – реакционеры, термидорианцы из грядущего...

– Да! – чуть не выкрикнул Аристарх. – Потерпев неудачу в своей эпохе, негодяи решили нанести удар делу свободы, равенства и братства до того, как оно победит – здесь, у нас! В зародыше убить революцию! И явились в собственное прошлое, чтобы помочь тиранам не допустить победы справедливости!

– Аристарх прав! – взволнованно отозвался правовед. – Тот-то дядя темнил – какие-то «другие пришельцы», которые якобы и пытались убить царя... А пришельцы, что сейчас содействуют властям, – они-то покушение и сорвали! Так это и был удар по будущему революции?

– Не знаю. – покачал головой Аристарх. – Уверен только, что своего они добились – пока. Тиран жив, в наших рядах нашёлся предатель – то-то негодяй Ульянов, единственный из всех, сумел бежать из Петербурга! А ведь остальных товарищей схватили и теперь повесят!

– Значит, нам, всем, кому дорого дело революции, противостоят не только царские жандармы... – медленно произнёс правовед. – Против нас ещё и враги из будущего. На что же тогда надеяться?

– Надежда есть всегда. – твёрдо ответил Аристарх. – Вспомните, и в Библии сказано: уныние – смертный грех. И потом, – студент понизил голос. – нашлись ведь и другие, тоже из будущего, те, кто стремился убить тирана? Да, не вышло, но они же были? А значит, мы не одиноки в нашей борьбе! Надо только отыскать героев, которые решились преодолеть бездну времен и прийти к нам на помощь!

VII

Из переписки поручика Садыкова

с его школьным товарищем,

мещанином города Кунгура

Картольевым Елистратом Бонифатьевичем.

«...И занесло меня, друг мой Картошкин, на край света, в самую Африку. «Хотя, позвольте – скажет ревнитель науки истории, – какой же это край света? Отсюда пошла древняя фараонская и еллинская цивилизации; здесь люди придумали сфинкса и бабу с рысьей головой в то самое время, когда наши предки придумывали обожжённые на костре дубины, чтобы глушить ими этих самых рысей, или кто тогда в лесах Европы обитал?» Да и ревнитель Закона Божия (который один только и несёт свет истинной благодати), с этим согласится. Ведь от земли Египетской рукой подать до Земли Святой. И хоть пророку Моисею и понадобилось сорок лет, чтобы пересечь эту каменистую полосу песков, любой географ без колебаний объявит такое соседство близким. А Святая земля и Град Иерусалимский является, как известно всякому, центром коловращения Вселенной – что бы не насочиняли разные Коперники и Галилеи. Так что извини, беру свои слова назад – наш пароход, мерно попыхивая машиною, приближается к средоточию истории, географии и вообще, всего нашего бытия.

По левую руку с утра открылись заснеженные вершины Ливана; мотает нас изрядно, и мне остаётся благодарить крепкий желудок, или какой там орган в человеческом теле отвечает за стойкость к напасти, именуемой морской болезнью? Еще немного, и встанет наше корыто на рейд славного города Александрии; на сём моё морское бытие прервётся.

Впрочем, ненадолго; согласно полученному в Санкт-Петербурге предписанию, мне с командою из четырёх казачков-забайкальцев надлежит следовать через Красное море, Аденским проливом, и далее, в страну, именуемую Занзибарией.

Оную страну мы с тобой не раз искали в наши юные годы на глобусе; говорят, водится там зверь, именуемый абезьяном, от которого произошли занзибарские негротянцы и прочие чудища. В гости к этим почтенным господам и ведёт меня приказ высокого начальства из Корпуса военных топографов.

Как подумаю – господи-святые, куда занесло раба твоего? В самую Африку, к зверю абезьяну и занзибарскому султану! Ну, мне-то грех жаловаться, а вот команда моя, упомянутые уже казачки-забайкальцы, и правда кручинятся – который день сидят в каюте, пьют горькую да травят за борт. «Травят» – это по нашему, по сухопутному, блюют; сие определение в ходу у моряков. Так как и я

уже неделю, как передвигаюсь по водной стихии, вот и решил приобщаться потихоньку к природному морскому языку, в котором всё называется не так, как на суше, а на особый, морской лад.

Остаётся только удивляться превратностям судьбы – больше года я готовился принять участие в качестве топографа в пятой экспедиции господина Пржевальского. И вот теперь, вместо того, чтобы отправиться с казачками навстречу ему, в Уссурийский край, Фортуна вытянула для меня иной билет; а уж счастливый он или наоборот, сие пока неясно. И отправился я теперь навстречу совсем другому путешественнику, и в совсем иные места – вместо Уссурийского края и Центральной Азии твоего гимназического товарища ждут саванны Чёрной Африки. Нам предстоит следовать маршрутом Василия Васильевича Юнкера, восемь лет проскитавшегося в негостеприимных краях, населённых упомянутым уже зверем абезьяном. А того абезьяна, как говорил садовник Еропка, немцы выдумали – оттого, наверное, и сам Василий Васильевич, наполовину немец, наполовину русский, получивший образование в самом Геттингене, и двинулся в жаркие страны. Задачу себе сей учёный муж поставил замысловатую: изучить область реки Уэлле и пройти вниз по её течению, дабы окончательно прояснить спорный вопрос, не дающий спать географам всего подлунного мира: принадлежит ли Уэлле к системе Конго, или же какой иной реки? Этим Василий Васильевич и занимался четыре года кряду, но тут случился конфуз – в Судане потомки зверя абезьяна подняли мятеж, и уже семь лет как с упоением предаются этому занятию. На беду, земли, охваченные восстанием Махди (так в Судане именуют главного тамошнего Абезьяна), отрезали экспедицию от родных берегов. В письме, доставленном аглицким миссионером (я наверное знаю, что этот скромный герой по дороге назад был съеден местными жителями, именующими себя «Ньям-ньям»), Юнкер сообщал, что вернётся в Россию через немецкие колонии и владения занзибарского султана. Что тот и сделал спустя год с небольшим – а твоему покорному слуге предстоит теперь пройти этим путём, составляя попутно топографические карты. Задача, доложу тебе, из разряда «пойди туда, не знаю куда»; да я с самого начала подозревал, что поставлена она лишь для того, чтобы послужить прикрытием совсем иной миссии.

А вот какой – о том знает начальник экспедиции, глубокоуважаемый господин Семёнов. Я же с забайкальцами, покамест, должен сопровождать его до Александрии.

«Но к чему же тут Александрия?» – спросишь ты меня, друг мой Картошкин? – «Она-то к сему вояжу имеет весьма далёкое отношение, ибо Бур-Саид находится хоть и недалеко от этого города, но всё же, в стороне?»

Что ж, ты прав и не забыл, по всей видимости, начатков географии, старательно вдолбленной в наши пустые головы гимназическими наставниками. Визит в Александрию предписан упомянутым уже господином Семёновым. Личность эта, насквозь загадочная – руководитель нашей экспедиции; автор сих строк состоит при нём для непосредственного управления забайкальским воинством, ну и, пожалуй, на посылках. Хотя, жаловаться грех: господин Семёнов оказался интереснейшим собеседником: мы проводим в разговорах весь досуг, которого на борту парохода достаточно. Оказывается, мой спутник год назад вернулся из путешествия по Сирии и Багадскому вилайету Османской империи. Он получил там массу впечатлений, которыми теперь охотно делится со мной. Область интересов сего господина – археология, занятие почтенное и требующее навыков, как в географии, так и в топографии. Только вот строгость, которой сопровождалось моё назначение, трудно соотнести со сбором керамических черепков и старинных бусин, чем, как известно, и занимаются археологи, когда не заняты выкапыванием из глины Приамовых сокровищ.

Сперва я решил, что придётся переучиваться в гробокопатели, и совсем было собрался обрадовать этим забайкальцев. Но Олег Иванович, спасибо ему, намекнул: наша миссия куда заковыристее поисков Трои, и потребует не столько способностей кладоискателя, сколько талантов лазутчика. Так что смотрю я на снежные ливанские горы и гадаю – чем-то ещё обернётся для меня это приключение? А пока, остаюсь верен тебе по гроб, твой гимназический товарищ, поручик Корпуса военных топографов Садыков.

Писано 2 мая, сего, 1887-го года, на борту парохода «Одесса»,

в Твердиземном море».

* * *

Со спутником Семёнову повезло. Ироничный, склонный более слушать, чем говорить, поручик Садыков оказался идеальным спутником. Против ожиданий, он не пытался расспрашивать Олега Ивановича; тот сразу понял, что молодой топограф не имеет представления об истинной цели путешествия. Конечно,

перед отправлением Садыков имел беседу с Корфом, но та свелась к общим словам насчёт «особой важности» миссии и необходимости точно выполнять указания начальника. Олег Иванович поначалу удивился, а потом хорошенько обдумал и понял – Д.О.П., новое ведомство, проверенных людей взять пока неоткуда. Так что поручика выбрали, скорее всего, «по анкетным данным», а уж потом, в личной беседе Корф составил о нём впечатление. Честный, безусловно, верный присяге, энтузиаст своего дела, поручик ничего не знал о гостях из будущего. И решать, в какой форме посвятить его, Корф предоставил самому Олегу Ивановичу. Резон в этом был: сколь не изучай бумаги, а полуторачасовой беседы недостаточно, чтобы составить впечатление о человеке. Тогда как морское путешествие позволяет присмотреться к будущему спутнику, прояснить всю его подноготную и, в конце концов, принять решение – открывать ему подробности или оставить в роли слепого исполнителя?

Олег Иванович склонялся к первому варианту. Поручик ему понравился – кроме талантов собеседника, он демонстрировал острый ум и к тому же, определённо имел экспедиционный опыт. Садыков два года провёл в Туркестане, ведя топографическую съёмку для железнодорожного ведомства, а до этого занимался делом и вовсе деликатным: вместе с жандармскими чинами выслеживал в приграничных с Афганистаном районах «пандитов» из Королевского Управления Большой тригонометрической съёмки Индии. На счету Садыкова числилось несколько изловленных туземных разведчиков-картографов; отзывы жандармского отделения о молодом военном топографе были самые восторженные, что, видимо, и сыграло решающую роль при отборе.

Забайкальцы, приставленные к экспедиции, тоже были не лыком шиты – имели опыт схваток с контрабандистами и беглыми каторжниками, прекрасно владели оружием и умели ориентироваться в незнакомых местностях. Дело привычное – служба на дальних рубежах Империи требовала от казачков как раз таких навыков. Хотя, конечно, где Байкал, а где Африка... но Семёнов не сомневался, что урядник и его подчинённые покажут себя наилучшим образом.

Оснащение казачков достойно особого внимания. Никто не скрывал, что экспедиция послана русским картографическим ведомством, да и в бумагах это было ясно указано. Так что и поручик и забайкальцы сохранили военную форму, удалив лишь знаки различия. Оружие было непривычным – по настоянию Олега Ивановича были закуплены новейшие бельгийские револьверы системы Нагана образца 1886-го года под патрон калибра семь с половиной миллиметров с бездымным порохом. Винтовки «Бердан № 2» заменили на карабины Генри-

Винчестера с трубчатыми магазинами на восемь патронов; сам Олег Иванович взял «лебель» с телескопом – тот самый, что сопровождал его в Сирии. Казачки, получив незнакомое оружие, поначалу ворчали, но за время плавания вполне освоились с новинками. Вспомнив прошлую поездку, Олег Иванович испросил разрешения капитана, и теперь ежедневно полуют «Одессы» превращается в стрелковый тир: забайкальцы, Садыков да и сам Семёнов увлечённо палят по чайкам и выброшенным за борт ящикам.

Револьвер Олега Ивановича тоже не прост – на его стволе красуется резьба под глушитель. Два таких приспособления было захвачено во время мартовского вторжения в Москве, и ещё одно было взято на Троицком мосту, в столице. Корф сразу оценил достоинства трофея, и уже через две недели были изготовлены первые образцы под полицейские револьверы системы «Смит-и-Вессон», а так же карманные «бульдоги»; через подставную швейцарскую фирму стали готовить заявку на патент. Новинку предполагалось назвать в соответствии с традициями – ПБС.

Под глушитель приспособили и наган – один из первых образцов как раз и достался Семёнову. Кроме того, револьвер снабдили планкой для крепления лазерного целеуказателя. Олег Иванович не доверял своему умению стрельбы из короткоствола, а потому предпочёл пользоваться высокими технологиями. К тому же, на крепление можно было, при желании, установить мощный тактический фонарик.

В массивных кофрах и баулах хранилось снаряжение, вроде того, что было подобрано когда-то для поездки в Сирию. Аптечка, составленная Каретниковым, в расчёте на тропические болезни; палатка-купол, коврики из пенополиуретана, рюкзаки с гидраторами, фонари, химические источники тепла и света, примус, и еще множество полезнейших мелочей. Не были забыты и средства связи, но членов экспедиции ещё только предстояло научить пользоваться хитрыми приспособлениями.

Казачки, как и поручик Садыков, везли привычный по Туркестану экспедиционный багаж – кошмы, парусиновые армейские палатки, керосиновые лампы, котелки, конская упряжь, казачьи и вьючные сёдла. Лошадей надеялись приобрести на месте, что оставалось главной темой бесед между казаками и Антипом. Бывший лейб-улан без устали нахваливал арабских лошадок; но на вопрос, можно ли раздобыть таких же в заморской стране Занзибаре, и в какую сумму в серебряных рублях встанет приобретение, ответить затруднялся.

Помощник Олега Ивановича легко нашёл общий язык с забайкальцами. Те поначалу смотрели на него свысока, но узнав, что Антип свой брат, служивый, кавалерист, хоть и не казак, уже к вечеру второго дня глушили с ним водку. Садыков с Семёновым не препятствовали – чем еще заниматься личному составу во время вынужденного безделья? Забайкальцы казались мужиками серьёзными, бывалыми, безобразия на пароходе не учиняли, ограничиваясь стенами каюты. Правда, наутро Антип и двое казачков, Фрол и Пархомий, щеголяли свежими синяками на физиономиях, но это уж в порядке вещей.

Для Антипа Семёнов припас наган и винчестер; кроме того, он отставной улан вооружился кривой арабской саблей, подаренной Семёновым во время сирийского похода. Так что маленькая экспедиция была вполне оснащена, вооружена и готова к любым перипетиям африканского путешествия.

* * *

Из путевых записок О. И. Семёнова.

«Четвёртое мая 1887-го года. С утра «Одесса» встала на рейде Александрии. Антип носится как ошпаренный; казачки с матерками вытаскивают из трюмов багаж. А меня вдруг стукнуло – сегодня ровно год с того дня, как мы встретили на Садовом кольце мальчишку в гимназической форме времён царствования Александра Третьего! С этого и началась эпопея с путешествиями во времени, которая и привела нас сначала в пески Сирии, потом на улицы Бассоры, а под занавес – на засыпанный снегом настил Троицкого моста. И вот колесо со скрипом завершило полный оборот: я снова люблюсь с палубы на дворец хедива, слушаю свистки паровоза, который с упорством муравья, волокущего дохлую гусеницу, тянет за собой состав лёгких вагончиков из Каира в Александрию; озираю панораму гавани, украшенную черной-белой глыбой британского броненосца – Королевский флот неусыпно держит руку на пульсе... а это что за красавица?

По правому борту от «Одессы» обнаружилась яхта – изящные, классические очертания, напоминающие знаменитую «Америку»[3 - Шхуна «Америка», построенная в 1851 году специально для участия в регате «Кубок 100 гиней». Одна из самых знаменитых яхт в истории парусного спорта. В честь неё назван

современный «Кубок Америки».]]: высокие, слегка откинутае назад мачты, желтая полоса вдоль чёрного борта – намёк на фрегаты времён Нельсона и Роднея. Воистину, атрибуты Империи – корабли, скаковые лошади и золотые соверены; пари держу, пассажиры яхты знают толк и в том и в другом, и в третьем.

В среде российских любителей военной и альтернативной истории, принято быть англофобом. Сакраментальное «англичанка гадит», приписываемое еще Александру Васильевичу Суворову, давным-давно стало наиглавнейшим признаком великодержавца и патриота; оно даже не нуждается в доказательствах, настолько очевидно и общепризнано.

Со стыдом признаюсь, что не вполне разделяю эту точки зрения. Да, Англия спокон веку недружественна России; но я всегда восхищался жизненной силой, мощью и, главное, упорным патриотизмом этой нации, изобретательностью и умением полагаться только на себя. Конечно, мне знакомы доводы англоненавистников: писатель князь Одоевский считал, что история Англии дает урок народам, «продающим свою душу за деньги», и что ее настоящее печально, а гибель неизбежна. Историк и журналист Погодин назвал Английский банк золотым сердцем Англии, добавив: «а другое вряд ли есть у нее». Профессор Шевырёв, критик и историк литературы и вовсе заявил: «Она (Англия) воздвигла не духовный кумир, как другие, а златого тельца перед всеми народами и за то когда-нибудь даст ответ правосудию небесному». Отечественные почвенники и, вслед за ними, всяческие патриоты разлива первых десятилетий двадцать первого века, вполне сошлись в том, что «британские ученые и писатели «действуют на пользу плоти, а не души».

Не знаю. Может и так. Но сравните изнеженную, погрязшую в интригах и разврате русскую аристократию предреволюционной поры с английскими лордами, не гнушавшимися возглавлять судостроительные компании, командовать верфями, лично разбирать чертежи новых лайнеров и дредноутов!

Но здесь, в Александрии, моя англофобия, пребывавшая до того в спячке, расцвела пышным цветом. И дело даже не в курящейся угольным дымком броненосце, всем видом демонстрирующем, кто в доме хозяин. Мало какой из городов мира столь откровенно заявляет о британском владычестве и о великолепном пренебрежении чужими интересами. О ежеминутной готовности посреди шахматной партии, с вежливейшей улыбкой джентльмена смахнуть с доски фигуры и выложить вместо них портмоне с ассигнациями, либо револьвер

системы «Веблей» – на выбор, как потребует ситуация. Ничего личного, господа, это Империя, а она, как известно, превыше всего. Ибо Британия правит морями, а море есть главный источник и мощи, и богатства, и всего, ради чего стоит проливать пот, кровь и слёзы. Прав был Киплинг – то есть ещё будет прав, разумеется. Ох уж мне эта путаница с прошлым-грядущим...

Так вот, о яхте и её хозяевах. Пока казачки с Антипом перегружали багаж в местную шаланду, я успел вволю понаблюдать за роскошным суденышком. Палуба парохода заметно выше борта яхты, а посему обзор мне представился отличный. На корме, под лёгким полосатым тентом сидела дама редкой красоты; судя по тому, как почтительно беседовали с ней члены команды, именно ей-то и принадлежала двухмачтовая красавица. Содержания беседы я не слышал, но красноречивые жесты и торопливые поклоны говорили сами за себя. Я подумал, что такое угодничество не пристало морякам самой морской нации на свете, но потом разглядел свисающий тряпкой бельгийский флаг и успокоился.

Я написал, что дама обладала редкой красотой? Да, именно так. Мы в двадцать первом веке избалованы публичной и куда более откровенной демонстрацией женских прелестей, но тут даже я, спокойно, в общем-то, относящийся к данному предмету, был задет за живое. От сидящей на корме «Леопольдины» (такое название носила яхта) дамы веяло такой прелестью и свежестью, что аура эта проникала через стёкла цейссовского бинокля – и разила наповал. Это была не англичанка, нет – жительницам туманного Альбиона не свойственны ни смуглая кожа, ни жгуче-брюнетистая причёска, ни такая порывистость в движениях. В нашем космополитическом, мульти-культурном двадцать первом веке в Англии можно встретить образчики какой угодно внешности, хоть латиноамериканской, хоть папуасской. Но здесь, у нас... я снова ловлю себя на том, что пишу (а, следовательно, думаю) совсем как житель девятнадцатого столетия.

Возможно, дама эта француженка, или итальянка? Или дочь Латинской Америки, где смешение испанской, индейской и африканской кровей порождает редкие по красоте образчики женской природы? Не знаю, не знаю. Скорее, в ней есть что-то итальянское. Может, для «тетушки Чарли из Бразилии» не хватает яркости туалета?

Увлёкшись этой занимательной проблемой, я не заметил, как подошёл Садыков. И едва успел перевести бинокль на берег и принять независимый вид – не хватало ещё, чтобы подчинённый, застал меня за разглядыванием смазливой

иностранки! Офицер подчёркнуто-официально козырнул (чего между нами заведено не было) и отрапортовал, что вещи погружены, и можно съезжать на берег. Столь официальное обращение означало, что с этого момента поручик полагает свои полномочия по охране моей драгоценной особы вступившими в силу.

На фелуке, заваленной нашим багажом доверху, уже разместились забайкальцы, все, как один, с непроницаемо-серьёзными физиономиями. Урядник, вооружившись по случаю прибытия в заграничный порт, наганом и шашкой, грозно нависал над лодочником. Несчастный араб тоскливо озирался на казака и, кажется, не рад был, что взялся обслуживать таких страшных господ. Одно ухо у него распухло и казалось заметно больше другого – похоже, станичники успели наладить взаимопонимание привычными методами.

Бросив прощальный взгляд в сторону «Леопольдины» и её прекрасной хозяйки, я спустился в фелуку. Длинное весло в единственной уключине на корме закрипело, между лодкой и бортом «Одессы» возникла полоска грязной воды. Я невольно вздрогнул – покидая пароход, мы расставались с последним клочком русской территории. Что ж, вопреки известной песне, в которой утверждается, что «не нужен нам берег турецкий и Африка нам не нужна», мы приближались как раз к турецкому берегу и в самой что ни на есть Африке. А я зачем-то ощупал наган в кобуре. Нервы, нервы... если меня так трясёт с первых же минут экспедиции, что-то будет дальше?»

VIII

Евсеин встретил гостей на пристани. Он, конечно, ждал прибытия парохода – Олег Иванович сам отсылал телеграмму, а вот присутствие консульского чиновника и двух матросов с ленточками Гвардейского флотского экипажа на бескозырках оказалось сюрпризом. Впрочем, всё быстро прояснилось – оставив моряков и забайкальцев разбираться с багажом под присмотром верного Антипа, новоприбывшие в обществе чиновника и Евсеина отправились в резиденцию русского консула. Тот принял их весьма любезно и сразу вручил Олегу Ивановичу телеграмму Корфа с предупреждением: в Александрии путешественников могут ожидать неприятные сюрпризы. Барон писал намёками – хотя депеша и была зашифрована, но хозяйничали на телеграфе отнюдь не турки, а истинные правители Египта – англичане.

Известие оказалось тревожным. Как, скажите на милость, уберечься от британцев в самом сердце их владений? Предусмотрительный консул снял для путешественников особняк в «посольском квартале» Александрии, всего в минуте ходьбы от своей резиденции, но всё равно поглядывал на Семёнова с сомнением и засыпал его советами по части осмотрительного поведения. В этой заботе угадывалось нежелание вешать себе на шею обузу в виде гостей, способных поссориться с англичанами. Официальная депеша обязывала чиновника содействовать гостям, но вот расхлёбывать неприятности Петербург ему не поможет. Олег Иванович, тоже всё понимавший, с любезной миной выдержал вежливый натиск и заверил, что будет соблюдать осторожность и сверх надобности в городе не задержится. На том и распрощались; после лёгкого обеда (ланча, как называют его здесь на английский манер) Олег Иванович, Садыков и Евсеин отправились в свою новую резиденцию, где уже хозяйничал Антип. Матросики, прибывшие в Александрию год назад на борту клипера «Крейсер» и оставленные для охраны консульства, были откомандированы в распоряжение Семёнова. Олег Иванович хотел было отказаться, но, по совету Садыкова изменил решение – матросы, успевшие освоиться в Александрии, могли оказаться полезны. Один из них, сорокалетний кондуктор с георгиевской медалью на форменке, немедленно отправился с письмом во дворец хедива – послание надлежало вручить лично Бурхардту. А второй вместе с Антипом и одним из забайкальцев двинул за покупками. Евсеин и Семёнов тем временем уединились в одной из комнат, чтобы за чаем (расторопный Антип сразу извлёк из багажа самовар) обсудить последние новости – как петербургские, так и местные, александрийские.

* * *

Из путевых записок О. И. Семёнова.

«...Итак, вечером нас ждёт Бурхардт. Записку с уведомлением об этом принёс посланный унтер. Глаза у него бегали, и весь он был какой-то запыхавшийся. Я присмотрелся – так и есть: правая скула слегка припухла, а костяшки на правом кулаке содраны. Конечно, эка невидаль – следы свежего мордобоя у моряка; я позволил себе поинтересоваться, в чём дело? Выяснилась интересная деталь – возле самого дворца хедива Кондрат Филимоныч (так звали бравого кондуктора), почуял за собой соглядатая. Туда он добрался без помех, вызвал знакомого слугу, дождался немца-архивариуса и, как и было велено,

передал депешу. А вот обратно... поначалу следом за ним увязался скрюченный араб в грязной полосатой абе. Кондуктор сперва не обратил на него внимания; публика на улицах Александрии сплошь арабы, абы которых не знали не мыла, ни стиральной доски с того момента, когда впервые были надеты. И при том, половина одеяний имели полосатую расцветку. Подозрительный араб шёл за моряком, не скрываясь, и Кондрат Филимоныч решил принять меры: дожидаться шпики за углом и начистить ему наглуую арабскую рожу. Что и было немедленно проделано; на вопли единоверца сбежалось ещё пяток соплеменников. Численный перевес не помог – разогнав магометан кстати подвернувшейся оглобелькой от арбы, унтер отправился по своим делам – к снятому для экспедиции особняку. Куда и прибыл через полчаса, но уж не в одиночку – по пятам за ним следовала толпа арабов. Сопровождающие орали не по-русски, угрожали и швырялись всякой дрянью, не рискуя, впрочем, приближаться.

Кондрат Филимоныч готов был голову дать на отсечение, что среди них есть тот самый, первый соглядатай – он-де узнал его по разорванной надвое абе и битому рылу. С таким авторитетным заявлением спорить было трудно, память на лица у кондукторов парусного флота крепкая, поди иначе запомни в толпе матросиков провинившегося! Так что выводы получались неутешительные: едва мы успели ступить на улицы Александрии, как нас уже вычислили и выпасли – и наверняка не с добрыми намерениями. Но, делать нечего; оставив Антипа с казачками стеречь дом, мы втроём – ваш покорный слуга, доцент Евсеин и бдительный кондуктор – зашагали по направлению к дворцу хедива. Садыков отправился по делам службы к консулу, где и намеревался задержаться на пару часов. На всякий случай, мы оставили записку: как только освободиться – пусть берёт вооружённых казаков и ждёт нас возле дворца хедива. Сам не знаю, зачем я отдал это распоряжение; после истории со слежкой за кондуктором меня стали грызть смутные предчувствия.

Хранитель собрания встретил нас с распростёртыми объятиями. Он являл собой столь разительную картину с недоверчивым, язвительным учёным, которому нас представили год назад, что я даже усомнился – а не подменил ли кто-нибудь злонамеренный уважаемого герра Бурхардта? Руки у него крупно дрожали; глаза бегали, голос то срывался на визжащие нотки, то переходил в свистящий шёпот. Археолог был до смерти перепуган, и ни чуточки этого не скрывал.

Попетляв с полчаса по коридорам подземного лабиринта, немец привёл нас не приметной лестнице, скрывающейся в нише стены. Ниша оказалась заперта массивной железной решёткой с висячим замком. Открыв его, Бурхардт шустро,

что говорило о долгой практике, заковылял вниз по ступеням.

Лестница уводила ниже уровня подземного хранилища и заканчивалась в небольшой круглой зале без дверей. Зала оказалась завалена разнообразным хламом – кирки со сломанными ручками, деревянные, окованные бронзой рычаги, напоминающие корабельные гандшпуги, мотки сгнивших веревок, доски, рассыпавшиеся корзины, высоченные, в половину человеческого роста кувшины, все, как один, разбитые. Сплошные предметы старины – если судить по покрывавшему их слою пыли. А вот дверей тут что-то не наблюдалось...

Бурхардт подошёл к стене, повозился. Что-то металлически щёлкнуло – и я увидел то, чего так и не дождался в прошлый раз. Кусок стены с пронзительным скрипом отъехал в сторону, открывая узкий проход.

Мы вошли; тоннель тянулся нескончаемо, то с уклоном вниз, то с почти незаметным подъёмом. Тени от ламп метались по стенам; я не стал включать электрический фонарик – каждый из нас нёс маленькую масляную лампу, а сам Бурхардт обзавёлся большой, керосиновой. В ее ровном, сильном свете бледнели наши жалкие огоньки. Резких поворотов в тоннеле не имелось, как и прямых участков – любой кусок этого коридора имел плавный изгиб. Ответвления не попадались вовсе, а бесконечные дуги и изогнутые участки не позволяли судить, в каком направлении мы следуем. Ясно было одно – мы давно уже вышли не только за пределы дворца хедива, но, скорее всего, и за пределы соседних кварталов. Пожалуй, мы прошагали около двух миль, и я с трудом понимал, что находится над нашими головами.

Коридор закончился такой же круглой комнатой без дверей. Скрипнул скрытый в стене рычагов, и за отодвинувшимся блоком открылся еще один, на этот раз совсем короткий тоннель.

Вот теперь мы оказались в настоящем логове старого археолога – не то, что бутафория, предъявленная нам во время прошлого визита. То было предназначено морочить головы не в меру любопытным дворцовым слугам. А здесь...

Мы шли вдоль стеллажей уставленных книгами, свитками, связками папирусов, стопками глиняных табличек, покрытых клинописью и снова книгами. Я невеликий знаток палеографии[4 - Палеография – историческая дисциплина,

изучающая историю письма и памятники древней письменности.], но даже беглого взгляда хватило, чтобы понять: самый «свежий» экземпляр из хранившихся в этом подземелье, написан и переплетён в кожу задолго до падения Константинополя. Что касается старых... тут фантазия мне отказывала. В любом случае, не менее трёх тысяч лет; более ранним сроком образцы клинописи, по моему, не датируются. Чем дальше мы вышагивали вдоль бесконечных полок, тем больше крепло у меня подозрение, а не та ли эта библиотека, соперничающая своей таинственностью с библиотекой Иоанна Грозного, а богатством фондов с любой из ныне существующих коллекций древних текстов... да и вообще, считающаяся сгоревшей уже более тысячи ста лет назад? Если та – тогда ясно, почему Бурхардт безвылазно просидел на этой должности столько лет, даже на время не выбираясь в Европу: не мог оторваться от своих сокровищ. И наверняка хедив понятия не имеет, что скрыто под его дворцом! Бурхардт остаётся единственным хранителем (и владельцем, если уж на то пошло!) этого бесценного собрания.

Будто уловив мои мысли, немец остановился, и я чуть не налетел на него. Учёный смотрел вызывающе, воинственно задрав редкую бородёнку. Только руки по-прежнему дрожали, и страх смешанный с безумием мутной водицей плескался в старческих глазах.

– Да-да, герр Семёнофф, вы не ошиблись! Перед вами Александрийская библиотека, величайшее книжное собрание античного мира! Трижды её объявляли погибшей; сначала общедоступная часть хранилища пострадала при Цезаре, в 48-м году до нашей эры, потом, тремястами годами позже якобы сгорели главные фонды – когда легионеры Аврелиана зажгли квартал Брухейон. И наконец, уже в седьмом веке от Рождества Христова, когда и была придумана одна древняя но, увы, неубедительная байка. Рассказывают, что арабский полководец Амра ибн аль-Аса, взяв Александрию, послал спросить халифа Омара, что ему делать с огромной библиотекой. Суровый Омар дал ответ: «Если в этих книгах написано то, что есть в Коране, то они не нужны, а если в них заключается то, чего нет в Коране, то они вредны и, следовательно, их надо сжечь».

И толпа поверила, что бесценное собрание погибло в огне – и верит до сих пор, прошу отметить! Но нашлись, герр Семёнофф, мудрецы, которые скрыли бесценные сокровища от черни, и, главное, от бесчисленных гностиков, толкователей, оккультистов, которых столько развелось за последнее тысячелетие! Дай волю этим стервятникам, и они запустят свои высохшие от

алчности, скрюченные пальцы в бесценные тома – чтобы выдрать в мясом, ополить, подогнать под свои заблуждения, исказить до неузнаваемости. Лишённые знаний, скрытых на этих полках – немец величаво обвёл рукой вокруг себя, – они не более чем подражатели, собиратели крох, обреченные всю жизнь составлять головоломку, не зная, что большая часть её кусочков отсутствует в коробке. Но если однажды они дорвутся...

Лицо Бурхардта перекошилось; даже руки перестали дрожать, с такой ненавистью он произнёс эти слова.

– Так что, вы, герр Семёнофф, и вы, герр Евсеин, теперь единственные в мире люди, посвященные в эту тайну!

Я был так поражён, что на минуту забыл о том, зачем мы явились в Александрию. Пол под ногами качался, вокруг всё поплыло, пот заливал лицо, а перед глазами тянулись полки, полки, полки, уставленные древними томами.

– Но как же... – голос мой доносился будто из колодца; я слышал себя со стороны и не вполне понимал, что это говорю я сам, наяву, не во сне, – ...но как же вы решились открыть нам такую тайну, герр Бурхардт?

– Я сделал это, потому что знания, заключённые в этих рукописях яйца выеденного не стоят по сравнению с тем, что поведали мне вы.

Голос учёного был трескуч и рассыпчат, будто на каменный пол уронили горсть глиняных черепков.

– Эти манускрипты рассказывают о давно ушедшем, мёртвом мире – а то, что открыли мы с герром Евсеиным, в состоянии перевернуть мир нынешний, подарить людям такое могущество... – и Бурхардт мелко закашлялся.

Я поймал взгляд Евсеина – тот слегка пожал плечами – «мол, а я-то что мог сделать?» Я его понимал: эта тайна не относится к числу тех, что доверяют почте. Если Бурхардт решился посвятить Евсеина в свой секрет – то уж наверняка взял с него все возможные клятвы молчания, рассказывать об этом мне иначе, как в личной беседе. Вообще-то доцент мог поделиться информацией – данные, хранящиеся на флешке, будут недоступны местным шпионам и перлюстраторам ещё лет сто. Но бережёного бог бережёт; к тому же, в памяти у

Евсеина наверняка свежо похищение, подстроенное бельгийским авантюристом. Как и опасения насчёт Геннадия и его подельников – и где гарантия, что цифровое послание не попадёт к ним? Да, я на его месте тоже не рискнул бы; одно дело невнятные намёки насчёт содержимого «картотеки», а другое – такая тайна! Просочись сведения о Библиотеке наружу, и англичане сроят дворец по кирпичику, наплевав и на хедива, и на формальную независимость Египта и вообще на всё на свете. Уж не знаю, прав ли Бурхардт насчёт оккультистов и прочих масонов, но стоимость её, выраженная в денежном эквиваленте, наверняка колоссальна. Подобными призами не разбрасываются.

Но и оккультистов не стоит сбрасывать со счетов. Масонские и розенкрейцерские ложи обладают в Европе немалым весом. При желании они могут оказаться серьёзными противниками; если масоны узнают о библиотеке – могу представить, какая поднимется буча!

Как там сказал старик-археолог? «Все сокровища библиотеки яйца выеденного не стоят по сравнению с нашей тайной?» А вот с этого места, герр Бурхардт, если можно, подробнее...»

* * *

Олег Иванович откашлялся и привычно потёр переносицу.

– Позвольте заверить, профессор, мы понимаем, какая на нас теперь лежит ответственность. И приложим все усилия, чтобы сохранить вашу... нашу тайну в неприкосновенности.

И, помедлив, добавил:

– А пока, может быть, вернёмся к делам, ради которых мы сюда прибыли? Так что же такое архиважное оказалось в пластинах?

– А вы полагаете, что я стал бы открывать вам всё это по пустяковому поводу? – и Бурхардт, в который уже раз картинно обвёл вокруг рукой.

– Если уж я решился на такой шаг, то к этому имеются серьёзные основания. Дело в том, что мы с герром Евсеиным знаем теперь, что ждёт нас всех, все

человечество, после расшифровки картотеки!

Олег Иванович покосился на доцента – тот виновато развёл руками. Так-так... а Макар-то, оказался пророком. Сто раз следовало подумать, прежде чем отсылать Евсеина к немцу одного. Можно было догадаться, что двое учёных быстро спойдутся, но... ладно, остаётся надеяться, что пока мы остаёмся единомышленниками.

– Я сразу понял, что все эти истории, что вы поведали мне во время вашего прошлого визита в Александрию – о таинственных учёных, о городе Разума и Знания, о мудрых хранителях, выбирающих момент, чтобы излить на людей благоуханный дождь достижений – не более, чем байка в стиле мсье Жюль Верна. Но решил сделать вид, что верю; зачем разочаровывать столь интересных господ?

«Чертов старикашка! – выругался про себя Олег Иванович. – Или это мы такие идиоты, что в который раз наступаем на те же грабли? По-моему, нас только ленивый не разоблачал! Интересно, а дворник овчинниковского дома тоже догадался, что мы явились из будущего?»

– Я рассматривал разные версии о вашем происхождении. Признаюсь, теория о пришельцах из грядущего была в числе главных, а когда вы прислали ко мне герра Евсеина – сомнения окончательно отпали. Вы уж простите, коллега, – и немец слегка поклонился доценту. – но вы совершенно не умеете хранить секреты. Удивляюсь, как герр Семёнофф решился отпустить вас!

«Положительно, проклятый дед умеет читать мысли! – окончательно растерялся Семенов. – Да, Вильгельму Евграфычу остаётся лишь беспомощно улыбаться и виновато пожимать плечами. Хотя, его-то за что винить? Сами виноваты – пустили ягнёнка в волчье логово! Но Бурхард-то, Бурхардт! Кто бы мог подумать, что за внешностью кабинетного гнома скрывается острый ум разведчика? Кстати, о разведке...»

Нет, положительно, въедливый старикан видел его насквозь! Не успела эта мысль мелькнуть у Олега Ивановича в голове, а немец уже среагировал:

– И, кстати, герр Семёнофф, если вы полагаете, что ваш покорный слуга оказывает некие... м-м-м... услуги правительству кайзера, то спешу поздравить

– вы весьма проникательны. Да, я состою в переписке с высокопоставленной особой в прусском Генеральном Штабе. Их, видите ли, крайне интересует то, чем занимаются наши – и ваши, если уж на то пошло! – зачатые друзья-британцы на Ближнем Востоке. Но, могу вас заверить, я ни слова не сообщил моему корреспонденту о наших обстоятельствах.

– А о библиотеке? – поинтересовался Олег Иванович. – О ней-то вы, разумеется, дали знать в Берлин?

Бурхардт ответил оскорблённым взглядом монахини, обвинённой в тайном посещении абортмастера.

– Разумеется, нет, герр Семёнофф! Это их совершенно не касается! Нашего кайзера и его канцлера занимают вопросы о броненосцах, железных дорогах, концессиях, и перемещениях капиталов. Археология, слава богу, лежит вне сферы их интересов.

Олег Иванович усмехнулся:

– Могу вас заверить, герр Бурхардт что внук кайзера скоро проявит интерес к античной культуре и всякого рода историческим исследованиям. Не пройдёт и десятка лет, как археология получит во Втором Рейхе поддержку на самом высоком уровне.

– Вы о принце Вильгельме? – археолог высокомерно задрал бородку. – Пока, насколько мне известно, он проявляет интерес лишь к охоте и короткошёрстным таксам. Но даже если вы и правы – власть всё равно наследует его отец, кронпринц Фридрих!

Семёнов хмыкнул – про себя конечно. Сын нынешнего императора Германии Фридрих процарствует всего 99 дней и скончается от рака гортани. А вот поклонник охоты и будущий археолог-любитель принц Вильгельм... но Бурхардту об этом знать не обязательно.

Старикан, к счастью не стал развивать опасную тему:

– Ладно, бог с ним, с наследником. Если не возражаете, герр Семёнофф, вернёмся к нашим делам. Когда я убедился, что имею дело с пришельцами из грядущих веков, то, признаться, заподозрил, что вы явились ко мне как раз из-за библиотеки. Возможно – рассудил я, – там, в вашем будущем, это бесценное собрание было утрачено, и вы намереваетесь вернуть его, позаимствовав в прошлом? Но когда мы с герром Евсеиным сделали первые переводы металлических листов, я понял – дело отнюдь не в александрийском хранилище.

– Вы правы, – подтвердил Олег Иванович. – О нём мы вообще не подозревали, библиотека оказалась для меня сюрпризом.

Археолог недовольно дёрнулся.

– Я был бы признателен, если бы вы не перебивали. – недовольно заметил он. – поверьте, мне и так непросто собраться с мыслями!

Семёнов сделал примирительном жест- «мол, всё, молчу-молчу!» – и старик продолжил:

– При всём уважении к вам, герр Евсеин, – он с едва заметной иронией поклонился доценту, – вы, хоть и сумели открыть секрет составления пластин, но не разобрались в их содержании. Мне было даже неловко дурачить вас – вы принимали на веру всё подряд, и даже не пытались проверять!

На Евсеина было жалко смотреть. Он беспомощно переводил взгляд с меня на старика-археолога, все видом демонстрируя то ли возмущение, то ли покорность судьбе.

– Когда герр Евсеин продемонстрировал мне первые ваши «сборки» – как вы называете сросшиеся краями металлические листы, я вспомнил, что уже видел нечто подобное. И как раз здесь, в библиотеке, на одном из свитков, датированных эллинистическим периодом Египетской истории. Та рукопись была сделана на пергаменте, а не на папирусе – потому я и обратил на неё внимание. Дело в том, что использование пергамена не характерно для Египта. Только когда во втором веке до рождества Христова, цари Египта запретили вывоз папирусов из Египта...

– Это весьма интересно, герр профессор, – мягко перебил немца Семёнов. – но, если можно, ближе к делу. У нас крайне мало времени.

Как ни странно, Бурхардт не стал возмущаться:

– Что ж... я примерно помнил, в какой из залов находился пергамент. Но, увы, поиски в одиночку продлились бы не один месяц, к тому же, герр Евсеин наверняка обратил бы внимание на моё отсутствие. А потому, я решился посвятить коллегу в свою тайну – и, как выяснилось, поступил правильно.

– Да, уж. – подал наконец голос доцент. – Поначалу я оторопел – как же, величайшее из книгохранилищ античного мира, считавшееся давно утраченным! – но потом сумел преодолеть растерянность и взялся за поиски. Вдвоём с профессором мы перелопатили огромное количество пергаментов – и нашли-таки то, что искали!

– Вот он. – Бурхардт извлёк с полки рулон коричневого пергамент, намотанный на потрескавшийся от времени деревянный валик. – Это перерисовано с такого же металлического листа, как и тот, на котором мы обнаружили указания к поиску загадочного артефакта в Чёрной Африке.

– И, что интересно, – подхватил Евсеин, – пояснения к рисунку составлены на греческом. Вы понимаете? На греческом! А это значит, что как минимум один из обитателей Европы ещё тогда видел загадочные металлические пластины!

– И не только видел – но и сумел составить полную сборку. – медленно произнёс Семёнов. Хотя, конечно, это мог быть и не европеец, египетские учёные, случалось, писали и на греческом. Но вот чего я не понимаю – ведь мы, как ни старались, так и не сумели разъединить листы, после того, как они срослись краями?

– Я тоже об этом подумал, – мелко закивал профессор. – И, знаете, что пришло мне в голову? Таких наборов могло быть больше чем один! Сами подумайте: больше половины пластин в нашем комплекте дублированы, а некоторые даже в трёх экземплярах! А что, если в нашем распоряжении не полная «картотека», а смесь из нескольких комплектов?

– Любопытная версия, профессор... – кивнул Семёнов, – а вы не пробовали...

– Именно это и пришло мне в голову! – Бурхардт не дал собеседнику договорить. Я проверил, нет ли в моей «картотеке» дубликатов пластин, вошедших в готовые листы! И представьте, таковых нашлось лишь два. Все остальные, если и присутствуют, то в единственном экземпляре. Вернее присутствовали, поскольку теперь они, вероятно, необратимо трансформировались.

– Два комплекта пластин... – задумчиво произнёс Семёнов. – А возможно, и три. Но это значит...

– ...это значит, что нет никаких гарантий, что наш комплект содержит все возможные листы! – закончил Евсеин.

– А вот тут – не согласен, – покачал головой Олег Иванович. – Вспомните, когда мы с вами только обнаружили эффект «сращивания» карточек, то в первую очередь учинили инвентаризацию их копиям, которые любезно предоставил герр Бурхардт. Оказалось, что общее их число, за исключением повторов, кратно шестнадцати – именно из стольких пластин составляется сборка. Вряд ли это совпадение; я полагаю, что как раз мы и располагаем полным комплектом «картотеки» – с добавлением остатков двух других.

Учёный вытащил блокнот и принялся быстро черкать карандашом.

– Не берусь утверждать наверняка, но если вы правы, то выходит, что гипотетическим владельцам второго комплекта не удастся составить... так, секундочку... восемнадцать «сборок» из всех возможных. А владельцу третьего – как минимум четыре, поскольку именно в такое количество готовых листов входят карточки, повторенные у нас по три раза!

– Это ещё как сказать, – покачал головой Семёнов. – Если исходить из того, что остальные пластины строго разделены по комплектам, то да, А вот если они перемешаны... возможно у хозяев других «картотек» вообще сложится не более двух-трёх головоломок.

– Господа, опять мы уходим в сторону! – подал голос Евсеин. – Давайте, наконец, о насущном!

– Да, простите, – поправился Олег Иванович. Бурхард же возмущённо хмыкнул и недовольно мотнул головой в сторону Евсеина. Тот испуганно вжал голову плечи и отступил назад, будто попытался спрятаться в тени.

«А здорово он запугал нашего доцента – мельком подумал Семёнов. – Впрочем, неудивительно – университетские традиции, мировая величина... да и харизма у старика, убойная, как у парового танка!»

– Что ж господа, – продолжил археолог прежним, надтреснутым голосом, – раз вы считаете всё сказанное выше несущественным – извольте-с! Изучив манускрипты на пергаменте, мы с герром Евсеиным выяснили, что стоит за сочетанием символьных записей на пластинах и надписями, что появляются при составлении листов в эти, как вы называете, «сборки». Оказывается, пластины хранят историю загадочных существ, создавших порталы в иные миры. После того, как нам удалось разобрать несколько фрагментов, перевод стал делом рутинным – и мы прочли большую часть текстов. И очень нам пригодилась ваша чудесная криптографическая машина, – тут немец ехидно ухмыльнулся, – и мастерство, проявленное герром Евсеиным при обращении с оной.

Из тени послышался страдальческий вздох. Олег Иванович не успел сообщить, что информация с безнадёжно зависшего ноутбука не пропала, а может быть восстановлена, и доцент мучительно переживал свою несостоятельность в обращении с техникой потомков.

– Итак, мы ознакомились с содержанием большинства пластин, хотя бы и в общих чертах. Часть из них, как вы знаете, трансформировались в большие листы, и текст при этом был утерян. Но, к счастью, мы обладаем точными копиями всех символьных записей. И вот что удалось выяснить...

* * *

Из путевых записок О. И. Семёнова.

«...Да, Бурхадту есть чем похвастаться. История народа-странника, таинственной древней расы, открывшей способ путешествия между мирами и временами, и сделавшей это образом своего существования... да и расы ли?

Возможно, речь шла о секте или философском течении, а может быть, и группе учёных, когда-то в незапамятные времена пустившихся в путь по «червоточинам». Да так и забывшими, а может быть, и намеренно выкинувшими из памяти, мир, с которого начались их странствия?

Хотя, почему у «древних»? Нет никакой гарантии, что родной мир Скитальцев (так назвал Бурхардт создателей загадочных пластин), не лежал наоборот в будущем, причём столь отдалённом, что терялся смысл всякого упоминания о временных периодах? Перемещение между близкими, в сущности, временами, между «завтра» и «вчера» бесконечных линеек исторических последовательностей, было лишь малой долей подвластных Скитальцам возможностей. Похоже, для них не существовало границ между мирами, они могли пробить «порталы» в любое «где» и «когда» известной Вселенной... Вселенных?

Бурхардт полагает, что именно это бездонное богатство возможностей и привело к упадку расу, которая могла бы при иных обстоятельствах стать властителями миров. Пожалуй, я с ним соглашусь: когда доступным становится буквально всё, немудрено потерять интерес ко всему. Скитальцы споткнулись на собственной вездесущности: стоило им осознать, что они могут попасть в любой из вообразимых миров или времен, это немедленно породило солипсическую (в масштабах своей расы, разумеется), мысль: а существуют ли эти цепочки миров и времён в реальности, или являются плодами воображения, фантомами, порождёнными могуществом порталов?

Мысль эта и погубила культуру Скитальцев: за одно-два поколения (если, конечно, имеет смысл говорить о поколениях, описывая подобный народ) они совершенно потеряли интерес к реальности. Часть их сгинула в лабиринте червоточин, часть, как мы сумели понять, избрали своеобразный способ покончить с собой, нырнув в порталы «без адреса», что вели в никуда. А кое-кто превратился в своеобразных отшельников, обосновавшись в одном из найденных миров и закуклившись в грёзах о воображаемой Вселенной...

Такой оказалась и группа, осевшая на этой Земле. Так что мы зря старались бы отыскать в нашем двадцатом веке дубликаты артефактов – и коптских чётков и маалюльского манускрипта и, главное, «металлической картотеки». Эти предметы существовали только здесь, на этой мировой линии. Они принесены Скитальцами и остались здесь, когда память об этой расе стёрлась отовсюду, кроме древнего египетского свитка.

Оставался вопрос: зачем Скитальцы, избравшие путь отчуждения, оставили жителям рядового мирка, одного из бесчисленного их множества, такую подсказку? Может быть, кому-то из добровольных затворников напоследок стало тесно в келье? Или это своего рода отравленный дар, наживка, которую должна заглотнуть молодая, полная сил и неуёмного любопытства раса, чтобы направиться вслед за Скитальцами, и потом, в невообразимой толще веков и мирозданий, тоже осесть в своеобразной «пещере отшельника», не забыв передать эстафету дальше?

От этих мыслей голова шла кругом, тем более, что Бурхардт честно предупредил, что большая часть изложенного – не более чем их с Евсеиным попытки истолковать туманные фразы переводов. Не для всего нашлись адекватные понятия на известных нам языках; не всё удалось осознать не то, чтобы правильно а хоть как-то. Более двух третей текстов до сих пор не переведены; изрядная часть переведённого остаётся тёмными и загадочными. И кто знает, как изменится представление о создателях порталов после того, как мы разберем всё?

Но, вернёмся к насущным проблемам, как предложил давеча господин доцент. Поездка в Конго становится теперь неизбежной. «Сборки» недвусмысленно указывают на некий артефакт, сущность которого пока неясна. Очевидно лишь, что хранится этот загадочный предмет в труднодоступном и тщательно оберегаемом от посторонних месте, в среднем течении реки Уэлле. Которая, согласно трудам Владимира Владимировича Юнкера, впадает в реку Убанга, и далее, в Конго, как и Арувими, протекающая южнее и восточнее. Очертания рек, проступившие на металлическом листе, явственно указывают как раз на эти забытые богом и людьми края – и нам надо было отправляться туда, в чёртову глушь, в междуречье Уэлле и Арувими, к юго-западу от озера Альберт. Одно хорошо: перед отъездом я получил от Юнкера кое-какие материалы, а кроме того, в нашем распоряжении палочка выручалочка – спутниковые карты. Конечно, в тропиках за 130 лет многое могло измениться до неузнаваемости, и уж тем более, русла рек; но хотя бы общая структура водной системы Конго должна была сохраниться в прежнем виде? Если это не так, нас ждут немалые трудности.

Увы, сам Юнкер не мог нам помочь – в интересующем нас месте он не был, хотя и немало слышал о тех краях. Я в очередной раз пожалел, что не смог толком пообщаться с путешественником – несомненно, его опыт чрезвычайно пригодился бы в экспедиции. Ведь, судя по грозным и загадочным событиям в

Александрии, мы отправились в путь буквально в последний момент, и хорошо, если не опоздали.

Ни у кого из нас – ни у Бурхардта, ни у Евсеина, ни даже у меня, – не мелькнуло в тот момент и тени сомнения: а стоит ли открывать эту шкатулку Пандоры? Может, разумнее уничтожить материалы и забыть и о Скитальцах и о подвластной им Паутине Миров? Это, кстати, еще одно понятие, введенное Бурхардтом – вот удивился и возмутился бы старик, узнай он, что его поэтический эвфемизм (как и пафосное «Скитальцы») повторяет банальнейшие литературные штампы двадцать первого века! Но тут уж ничего не поделать – самые скептические представители века девятнадцатого склонны к напыщенности и нескоро еще выработают в себе иммунитет к красотам. А может, это я в очередной раз пытаюсь спрятаться в раковину напускного цинизма?

Назад, по бесконечному тоннелю мы шагали, навьюченные коробками и тубусами со свитками. Свитки, имевшие отношение к истории Скитальцев (их, кроме того, первого, отыскалось шесть штук) и пачки листов с переводами мы нагрузили на кондуктора. Тот дожидался нас у входа – тащить его собой, в «александрийские» фонды мы сочли рискованным. Кондрат Филимоныч возглавлял нашу маленькую процессию с охапкой тубусов в одной руке и керосиновой лампой в другой. Археолог семенил вслед за моряком; колонну замыкали мы с Евсеиным. Предстояло, добравшись до особняка, упаковать драгоценный груз и сдать его под охрану консулу. Тащить эти сокровища с собой через пол-Африки было бы безумием, но и оставлять их в подземельях тоже не стоит. До сих пор тайна хранила Александрийскую библиотеку надёжнее любых запоров, но – надолго ли? Бурхардт, поддавшись нашим уговорам, собирался испросить у хедива отпуск на полгода для поездки в Берлин, в Королевский музей; оттуда путь его лежал в Россию. Картотека со свитками отправится прямиком в Петербург, на борту военного клипера, которого ждут через две недели. К ценному грузу можно для верности приставить нашего кондуктора – с наказом не отходить от документов ни на шаг, пока не сдаст с рук на руки самому Корфу.

Вариант этот предложил я; немец не стал возражать. Похоже, старик был захвачен открывающимися перспективами, и, главное, не мыслил их реализации без нас. Что ж, оно и к лучшему – специалист он превосходный, а возни с расшифровкой «картотеки» ещё непочатый край. Да и где гарантия, что нелёгкая судьба исследователя не подкинет нам ещё что-нибудь по той же

части?

«Одно хорошо, – подумал я, карабкаясь вверх по тайной лестнице. – кое у кого наконец-то утихнет неуёмный прогрессорский зуд. В самом деле, какие там преобразования истории одного, хоть и почти родного мира, когда впереди маячит бесконечная цепочка миров, эпох и, возможно, все они станут доступны? А этот, поманивший своей привычностью, привязавший новыми друзьями – не более, чем первая ступенька бесконечной лестницы?

Да и Корф... я достаточно успел узнать барона, чтобы оценить неутолённый авантурный огонёк, пылающий в душе бывшего кавалергарда. Не верю я, чтобы он сам, по своей воле отказался от такого приключения!

С такими мыслями я вступил в знакомые коридоры «верхнего подземелья». Оставалось выйти наверх и присоединиться к Садыкову с казачками, которые – никаких сомнений! – уже третий час дожидаются на площади.

И за первым же изгибом коридора навстречу нам, из темноты захлопали револьверы.

IX

Иван Семенов, кадет Морского Училища

В темно-бурой воде канала почти ничего не отражается. Лишь кое-где, там, где деревья растут поближе к парапету набережной, их нежно-зелёная майская листва отсвечивает в глади воды. Это Никольский сквер, окружающий церковь Николы Морского.

Мы идем молча, совсем не так, как ходили недавно по Москве. Тогда мы не умолкали ни на минуту – то я расспрашивал о том, что видел вокруг, сравнивал городских, лоточников, извозчиков, булыжные мостовые с реалиями московской жизни двадцать первого века; то мой спутник просил рассказать, какие перемены ожидают Россию и Москву; то обсуждали насущные дела, оттеснявшие мысли о грядущем на задний план...

Здесь не то. Здесь – Санкт-Петербург, Столица Империи Российской.

И мне и Николу уже случалось бывать здесь. Я ещё «в той жизни» ездил в Питер на праздник включения петергофских фонтанов; Никол побывал здесь с отцом, когда тот ездил в столицу из Севастополя по делам службы. Но всё равно – этот город был для нас чужим, незнакомым. За краткое время, до переселения в Морское Училище, мы почти ничего не успели увидеть. И вот теперь шагали по Питеру и наслаждались его чужой – и такой знакомой! – красотой: великолепием строгих проспектов, удивительной архитектурой, пронзительной прозрачностью весеннего неба.

Пересекаем Екатерингофский; заходим на покачивающийся под ногами Египетский мост. Вход на него – под высокими прямоугольными железными арками, через которые протянуты поддерживающие мост цепи. Справа и слева от арок мост караулят привставшие на передних лапах темно-красные египетские сфинксы в шестиугольными фонарями на головах.

А по обеим сторонам волнуется широкая Фонтанка. Гладь реки покрыта барками и баржами; кое-где дымят мелкие парходики и паровые катера – навигация началась в середине апреля.

Навстречу грохочут подводы. Бородатые ломовики перекрикиваются с толпящимся у открытых дверей лабазов людом. На углу рыбные лотки: корюшка со снетками; усатый городской провожает масляным взором фигуристых кухарок.

Утро воскресного дня. Кадетов, кому повезло не схлопотать за прошедшую неделю взыскания, отпустили «с ночёвкой к родне», если таковая имеется Петербурге. Мы с Николкой тоже в числе этих везунчиков – на время учёбы в Морском Училище нашим опекуном назначен Никонов. В его огромной квартире на углу Литейного мы обычно и ночевали.

Супруга Никольского, Ольга (та самая, что оставила когда-то ради него вожака леваков-анархистов Геннадия Войтюка, и вместе с братом переметнулась на нашу сторону) всегда радовалась нам с Николом. Мы и на свадьбе побывали – венчались здесь же, в соборе Николы Морского.

Перебравшись в Петербург, молодая пара сразу задумалась о собственном гнёздышке – новоиспечённому капитану второго ранга не пристало жить на случайной квартире. К тому же, семейство ждало прибавления, и Сергей Алексеевич, в перерывах между заседаниями Минного комитета и работой в мастерских, где спешно заканчивали первую партию новых «рельсовых» мин, вдоволь побегал в поисках достойного жилья.

Но для нас Никонов всегда находил время. Вот и вчера мы допоздна засиделись у него в кабинете. Ольга, ставшая по случаю своего нового положения, не в пример мягче и спокойнее, не раз попрекала мужа: «Серж, топ аті, мальчикам надо соблюдать режим и вовремя ложиться спать!»

Разговор вертелся вокруг флотских дел; говорили о минах, потом перескочили на учёбу в корпусе, затем принимались обсуждать программу Особых офицерских классов. Благодаря занятиям, которые Никонов вёл в Морском Училище, мы встречались с ним по два-три раза в неделю, не считая визитов по выходным.

Особые офицерские классы – это нечто типа «совсекретных» лекций для чинов флота, рангом не ниже кап-два. Смысл их в том, чтобы познакомить морских офицеров, чиновников Кораблестроительного комитета, инженеров казенных Николаевского и Балтийского заводов с перспективами развития флота и судостроения на ближайшие полсотни лет.

Занятия Особых классов проводятся в шоковой манере. Курс длится две недели. Сначала «курсантам» под подписку рассказывают о «посылке из будущего», демонстрируя образцы технологий, ноутбуки и проекционные аппараты; потом все занятия проводятся на этой технике. Они заключаются в демонстрации видеоматериалов с комментариями Никонова, а после лекции проводится двухчасовой семинар. На нём мы с Николом и Никонов отвечаем на вопросы и ищем для «курсантов» интересующие их сведения. Это ограничивает численность слушателей – при всём желании, не получается «обслужить» более дюжины сразу.

Забавно смотреть, как солидные капитаны первого ранга и сорокалетние инженеры-кораблестроители теснятся у экрана ноутбука и засыпают нас, мальчишек вопросами. Мы, конечно, мало знаем, наша задача сводится, по большей части, к поиску информации в базах данных. Но слушатели нередко спрашивают не только о военно-морских делах, сколько о повседневной

жизни в будущем, о событиях предстоящих ста тридцати лет.

Такие расспросы не приветствуются, и дело вовсе не в том, что мы стремимся сохранить что-то в тайне. Начальство хочет полнее использовать ограниченное время занятий, не тратя его на праздные беседы. Тем не менее, полностью обойтись без посторонних разговоров не получается; я даже стал замечать, что наши «курсанты» договаривались кто и в какой день будет заниматься со мной и с Николом – нас проще «разговорить».

Этим наблюдением мы поделились с Сергеем Алексеевичем. Тот усмехнулся, покачал головой, и всё осталось по-прежнему.

За полтора месяца через курсы прошли уже два полных набора. Для них и оборудован «компьютерный зал», протянута локальная сетка; в планах стоят «усиленные курсы», на которых особо отобранной группе офицеров предстоит обучаться работе на компьютерах. Но это дело будущего; мы делаем лишь первые шаги, а Корфу и дяде Макару только предстоит осмыслить результаты.

После знакомства с очередной группой мы с Никоновым допоздна сидим, подбирая сведения о том, как сложилась судьба наших курсантов в той, оставленной нами реальности. Занятие это увлекательнейшее: каждый второй слушатель – статья «Военно-морской энциклопедии»; все вместе – эпоха в истории флота.

И – никаких имён на лекциях! Незачем этим молодым и не очень людям заглядывать в своё будущее, как и в будущее тех, что сидит с ними рядом на занятиях!

Порой становилось грустно: вот этот погибнет при Цусиме вместе со своим броненосцем, а этот, в почтенном возрасте, в Кронштадте будет поднят на штыки озверевшей от кокаина и вседозволенности матросней. Этот умрёт от голода в холодной петербургской квартире в феврале восемнадцатого, когда гордость не позволит обменять на базаре на хлеб адмиральский мундир.

Порой попадаются замечательные личности – то есть те, кому ещё предстоит стать такими. Так, в списках последней группы оказался мичман Алексей Николаевич Крылов. Поначалу мы с Николом удивились – даже лейтенанты считались на Особых курсах исключением. Но, прочтя биографическую справку,

мы кое-что поняли. Закончив с отличием 3 года назад Морское училище, Крылов успел сделать себе имя работами по уничтожению девиации магнитных компасов под руководством де Колонга, и теперь выслуживал годичный ценз для поступления в Морскую Академию на Франко-русском судостроительном заводе, где достраивается броненосец «Николай I».

Мичман Крылов внесён в список группы «сверх отбора», лично Никоновым. Сергей Алексеевич выговорил себе право включать в состав слушателей тех, чья «грядущая» биография делала их особо ценными для российского флота. Заинтересовавшись, мы с Николом принялись искать в базах данных, и каково же было наше удивление, когда выяснилось, что мичман Крылов – будущее светило русской кораблестроительной науки, академик и Российской императорской, и советской Академии наук, лауреат Сталинской и иных премий, Герой Социалистического труда и прочая и прочая и прочая.

Против записи «А. Н. Крылов» в списке стоял значок, означающий «особое внимание». Что ж, в училище гардемарин Крылов слыл непревзойдённым знатоком математики, так что не грех извлечь из этого пользу. А то Николке «царица наук» не слишком даётся...

Мы засиделись за разговорами до трёх пополудни. Встали поздно, в девять, чувствуя себя сибаритами – в Училище нас поднимали по рынде, в шесть тридцать утра. Завтракать дома не стали и, надев тёмно-синие фланельки поверх голландок, красуясь кадетскими нашивками, бескозырками и медалями на георгиевских ленточках, фланируем по улицам в поисках кофейни. Вот уже и Ново-Петергофский проспект; в конце его здание Николаевского кавалерийского училища. Попадающиеся навстречу кадеты-кавалеристы неодобрительно косятся на «моряков», но задираться не рискуют – правила хорошего тона не одобряют конфликты на улицах при свете дня. Вот вечером, после посещения увеселительного заведения, а так же во время оного...

Но сейчас чудесное майское утро; петербургское небо по-весеннему бездонно и солнечные зайчики играют на меди фонарей проезжающих пролёток, скачут по бледным листочкам, только-только проклюнувшимся на ветвях лип Никольского сквера.

Кончается Ново-Петергофский проспект. За Обводным каналом виден Балтийский вокзал. Туда-то нам и надо – с вокзала ходит поезд в Красное село. Уже полстолетия это грандиозный Военный лагерь, летняя воинская столица

Российской Империи, разделённый речкой Лиговкой на авангардный (западный) и главный (восточный) берега, фронтом он развёрнут на Военное поле. Самые известные его места – Лабораторная роща, обнесённая рвом и знаменитый Царский валик. Начиная с первых чисел мая, туда перебираются полки столичного гарнизона, и Военный лагерь оживает: солдаты селятся в палатках, а офицеры квартируют в деревянных благоустроенных домах, выкрашенных в цвета полков. В летних учениях участвуют десятки тысяч военных; в редкие же годы Больших Манёвров, – например, в 1853-м, как раз перед Крымской Войной и вовсе до ста двадцати тысяч. Сейчас середина мая; полки размещаются в Военном лагере, а потом, до середины июня, пройдёт первый, строевой и стрелковый, этап сборов. После начинается то, что в наши времена назвали бы тактической подготовкой. Завершатся сборы в августе, большими манёврами.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

В реальной истории П. П. Дурново стал капитаном 2-го ранга, участвовал в Цусимском сражении, где командовал миноносцем «Бравый» – одним из трёх кораблей эскадры, прорвавшихся во Владивосток).

2

В реальной истории Борис Иосифович Доливо-Добровольский стал военным моряком, разведчиком, лингвистом, учёным. В 1918 году участвовал в мирных переговорах в Брест-Литовске. Расстрелян в 1938-м.

3

Шхуна «Америка», построенная в 1851 году специально для участия в регате «Кубок 100 гиней». Одна из самых знаменитых яхт в истории парусного спорта. В честь неё назван современный «Кубок Америки».

4

Палеография – историческая дисциплина, изучающая историю письма и памятники древней письменности.

Купить: https://tellnovel.com/ru/batyrshin_boris/doroga-za-gorizont

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)